

День открытых окон 2

Стихи участников I Московского
фестиваля университетской поэзии

Москва
2009

Редколлегия:

А. Бабушкина
Д. Давыдов
И. Кузьмичев
Е. Малова
А. Орлицкая
Ю. Орлицкий

Послесловие Д. Давыдова

Дизайн обложки:

А. Орлицкая
М. Гуров

Издание осуществлено при поддержке Управления по работе со студентами Российского государственного гуманитарного университета (<http://student.rgggu.ru>).

День открытых окон 2. – Москва, 2009.

Во второй выпуск альманаха «День открытых окон» вошли стихи участников Первого московского фестиваля университетской поэзии, состоявшегося 25-26 октября 2008 года. Авторы сборника – молодые поэты из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Калининграда, Самары, Астрахани, Екатеринбургa, Смоленска, Казани, многие из которых уже стали активными участниками литературного процесса. Для всех интересующихся современной поэзией.

От составителей	5
Анастасия Кыштымова	9
Олег Задорожный	13
Ольга Дымникова	16
Анна Новицкая	20
Алексей Костылев	22
Семен Пегов	26
Анастасия Трифонова	30
Лев Оборин	32
Майя Руцкая	37
Мария Самуйлова	38
Ольга Туркина	40
Анастасия Векшина	45
Валентина Канухина	49
Ольга Собгайда	51
Александра Соболева	56
Иван Сапков	60
Степан Бранд	61
Алиса Розанова	62
Юлия Плахотя	67
Евгения Лаптева	71
Татьяна Попова	74
Константин Комаров	77
Ольга Яковлева	78
Анна Орлицкая	82
Александра Бабушкина	87
Света Сдвиг	94
Александра Володина	100
Антон Буланков	104
Екатерина Малова	106
Григорий Гелюта	108
Елизавета Калинина	114
Евгения Суслова	118
Андрей Моль	125
Илья Кузьмичев. Вопрос понятий	131
Данила Давыдов. После фестиваля	136
Сведения об авторах	139

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Перед вами второй выпуск альманаха «День открытых окон». Он во многом продолжает концепцию предыдущего сборника (все представленные авторы либо учатся в университете на данный момент, либо были студентами в недавнем прошлом), но при этом и расширяет ее (если предыдущий сборник представлял исключительно авторов из РГГУ, то в этом выпуске – творчество молодых поэтов примерно из двух десятков российских вузов). Первый «День открытых окон» вышел в октябре 2007 года и стал первым в истории РГГУ сборником стихов и малой прозы студентов этого университета. Второй выпуск, помимо расширившейся географии, отличается от первого отсутствием прозаической части.

В «День открытых окон 2» вошли тексты участников Первого московского фестиваля университетской поэзии, состоявшегося 25-26 октября 2008 года. Фестиваль проводился на базе Литературного Проекта РГГУ при поддержке Независимой литературной премии «Дебют», группы «Культурная инициатива» и Управления по работе со студентами РГГУ. В фестивале приняли участие молодые авторы – студенты, аспиранты и недавние выпускники вузов – из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Калининграда, Самары, Астрахани, Екатеринбурга, Смоленска, Казани и других городов. В программу фестиваля вошли поэтические чтения и круглый стол «Современная поэзия в университетском пространстве».

Среди участников были как начинающие, так и довольно известные молодые авторы, в том числе – финалисты и лонг-листы таких крупных поэтических премий, как «Дебют» и «Литературный Рентген», регулярно публикующиеся в различных изданиях и в Интернете, выступающие на поэтических фестивалях. В этом сборнике представлено творчество тридцати трех участников фестиваля. Отдельная статья посвящена итогам круглого стола.

Сборник, который вы держите в руках, представляет собой не только итог прошедшего фестиваля, но и попытку осмыслить университетскую поэзию как явление, показать читателю наиболее ярких представителей младшего поколения современной поэзии. Поэтому мы не смогли включить в него всех участников фестиваля (в таком случае пришлось бы значительно сокращать подборки стихотворений), а

ограничились наиболее интересными, с точки зрения редколлегии, авторами.

Кроме печатной версии альманаха «День открытых окон 2», мы подготовили отдельный электронный сборник «День открытых окон Виртуальный», в который вошло по одному стихотворению от каждого выступившего на фестивале автора и который можно скачать в Интернете.

Редколлегия

АНАСТАСИЯ КЫШТЫМОВА

Короткая элегия

Одними губами
Пьеро
Благословляет
Фитиль и спичку

О пустоте

Пустота – это когда знаешь,
что в мертвой бабочке больше,
чем в том, что кричит внутри –
В мертвой бабочке на подоконнике
У чернокожей женщины.
У нее есть маленький ветхий дом,
Трое ребят, их накормить бы куском,
Который так тяжок под солнцем,
И когда за небом темно,
Она открывает окно,
Прыгает на пол серая кошка.
Сомневаясь немножко – еще осталась
Возня по дому, берет старое банджо,
(пусть и не строит малость),
и выливает усталость.
А милый раньше грелся в лучах ее песен,
Но дом невесел – она ходит за милю
За получасом глаз его за решеткой.
И с каждой неделей тот блюз яснее:
За милей милю, я все осилю.
Здесь нету кротких.
А дети спят. И легки их ресницы.
Так вот, пустота – это когда знаешь,
Что в тебе нет ничего, что сравнится
с мертвой бабочкой на подоконнике
сварливой черной тетки.
Четко.

Ноябрь

Эта осень останется неутоленным мотивом.
Этот лес провожающий наг.
Половодье. Ноябрь.
Ты безропотен. Значит, безбеден. И только.
Темный табор, смиренный как просо,
Под ветвями уютиться пришел.
Ни наречья, ни говора нет,
Ни единого слова,
И если бы было оно,
То только сродни
Крику слетающей птицы.
Беги. Спицы колесные будут сливаться
Как сливаются дни –
Необратимо.
Эта осень останется. Неутоленным мотивом.

Марта

С рук капало тепло.
Горелым перехватывало горло,
И Марта обращалась в лист бумаги,
И Марта истлевала в то,
Какой ей надлежало быть
Согласно одному избитому сюжету,
Который ты не выразишь словами,
Который заставляет поседеть,
Который – не сюжет на самом деле,
Которым не проймешь
Историю твою,
Как то, что чуешь между рваных строчек,
Не может повлиять
На типографский шрифт.
С рук капало тепло,
И Марта дыханием своим
Сводя на нет все то,
Что приняла она как пульс

Когда еще не стала Мартой,
И не сводя концы с концами,
Бессловие заглаживала,
По-испански жгла
Границы, видимые только ей.
С рук капало тепло.

Саксофон и перекасти-поле

Сотни зим, десять лет,
Распускается свет
Розы Иерихона

Это не трубы, милый,
Это только сакс,
И дешевые сигареты.
Я не люблю разговоров
О стенах, милый.
О стенах и о тепле.

Сотни зим, десять лет,
Распускается свет
Розы Иерихона

Дальше?
Не спрашивай, милый
Я боялась стать старой
Сейчас я боюсь,
Я правда боюсь,
Что четырнадцать
Мне будет до смерти.

Разве из круговерти
Нет выхода,
Кроме как держаться
За ветер
И целить от бесплодия?

Ваше Благородие,
Скажите им всем, что
Это не трубы,
Это только сакс...
Что это не жемчуг,
Это лишь пятаки в фонтане...
Ваше Благородие,
Уймите же мою дрожь...
Скажите же мне,
Что это не выход...

Земля удивления

Далеко земля удивления.
До нее миль морских, солонее пудовой гири,
Море.

Здесь, на малой земле,
Берег широк, шаг широк, и шире всего гривы
У пьющих воду, и волос их жесток,
и волнист их волос. И тем неотступнее
Мыслится нам
О континенте.
И все кажется –
Вскоре.

Так нет же, не скоро.
В пальцах растираю добро,
Ты, лопаткам моим господин,
Читаешь псалмы –

Человеку не вынести красоты человека.
И каждый отводит глаза как умеет.
Но теперь я знаю еще и другое –
Для того, что станет нужно сказать,
Не найдешь языка
Вернее надежды.

ОЛЕГ ЗАДОРЖНЫЙ

* * *

Врос во вселенную рост
Одного человека
Затаенный вопрос звезды
Кто мы? Если вышли из
комы, из космоса
Смерти мира черные дыры
Лакуны
В мироздания ткани крепы
Судьбы
Одного человека
Затаенный вопрос звезды
Где мы? Стремголасая пыль
Охватившая все перекрестки
Забвение пены в оперении
пустоты
Нерушимые стены
Судьбы
Одного человека
Вросшего во вселенную

5. 10.08.

* * *

Радостного эха впотьмах
Расслышанные обертона речи
Говорящих за двух – ах
Впопыхах не распознанные
Колыхались звериными тропами
Возрождали друг друга
Вырастая в движение рука об руку.

Белокаменным эшафотом слеза
Робко выцеживала другую
Потихонечку пила.

В сосуде на безупречном
Куда далее?

До встречи на страшном
Не страшно?

Тем – более.

19.09.08.

* * *

Перепуты времени.

В небосклоне зашиты лоскутки минут,
Вращенные в тишине зерна сочетаемости.

Мосты в тишине. Пустота внезапности.

Незапамятных времен отблески:

Блесна и рыба в блесне
Песня воспетая леса
Созвучия лунные, летуны нетленного
Плетения чуда и дива
Вода, грива волос пьющая ветер.

Вздыбленность локона,
Луч выходящий в окно,
Облако и воронка.

Света вихрекружение.

Лето, еще раз –
Лето.

Преображение.

8.04.08.

* * *

Знамение брошено.

В радостном духе тел
мимолетность расслышана,
Печалью двоится.

За видимым ломкие маки
пленением ровным окутаны.
На веках раскатами влаги
сахарного тростника
Пламенеет индевокрылая.

Млечные факелы млеют
искрами рунными,
Рассыпалось лето дождями.

В тех каплях прозорливости
за вереницами дней
пульсации трели.

Рассыпалось лето дождями.

31.07.08.

ОЛЬГА ДЫМНИКОВА

Транзит

1.
мы с вами едем в одном вагоне
вы думаете о чем угодно
я думаю о пони и рыбьем жире

тамбур
представляю, что я в газовой камере
задержу дыхание
и не буду дышать, пока не выйду
2.
к стоп-крану приделана
тонкая медная проволока
провода искрят

простите
это я полна напряжением
это я больше и выше
всех присутствующих здесь женщин

это мне было хорошо

мы с вами в одном вагоне
я не помню
где мои вещи
3.
вы идете за мной –
не потому, что вам так хочется
объявила диспетчер
следующая остановка – дымникова
конечная

28 января 2008 г.

Эстетика NaCl

1.
хочется соли
в теле такая легкость
что ветер сейчас подхватит
и потащит вдоль трассы
эту легкость несу, как воду
и прячу от незнакомцев
с глазами болотного цвета
вот и эти ресницы дрогнули
в ответ на мое «не надо»
2.
плачу, когда
хочется соленого
плачу до икоты
глядя перья мертвого голубя
на асфальте

а слово тлен
пахнет вишней
оно гладкое и розовое
шелковый халат
которого хочется коснуться
я даже в смерти
найду эстетику

(10 апр. 2008 г.)

* * *

- море мое, мертвое мое море
било меня, било, выпило
да на берег выкинуло

28 января 2008 г.

Он-лайн

какая сладкая тайна
трепещет под пальцами
клавиатура податлива
кофейно-молочная реальность
с перерывами на прогулки и сон
реализую свое дневное предназначение –
быть он-лайн

(10 апр. 2008 г.)

* * *

умирай белая лилия умирай
от руки
девочки с рыжими волосами

когда она поет
трава на ковре прорастает
ломая рисунок орнамента
и рыдает единорог
исходя слезами
по ее девственности

12 мар. 2008

* * *

весна
по ощущению похожа
на букет
нераспустившихся бабочек

(14 апр. 2008 г.)

Сонник

1.
а вот поди ж объясни ей
почему ты мне снишься
с субботы на воскресенье
каждый раз
с субботы на воскресенье

я упала в свадебном платье
плакала и не хотела замуж
сапоги неудобные были –
вот и расшибла коленку

мама пожалела, подула

я расшибла коленку
а тебе почему-то больно

я гладила твои щеки
с субботы на воскресенье

2.
мокрые мои перчатки
да как я посмела
здороваться с тобой за руку?

запоздало вспомнила
можно
это суббота

28 января 2008 г.

АННА НОВИЦКАЯ

Сестра – сестре

Сестра с сестрой засыпают – в руке рука,
Постель обнимает их, как ласковая река.
Сестра с сестрой, два душистых ночных цветка.
– Сестра, как ты горяча.
– Сестра, как ты глубока.

Сестра сестре целует губы, целует грудь,
Шепчет: «Ладно, будем уж как-нибудь,
Только не плачь да главного не забудь:
Ни меня у тебя, ни тебя у меня – не отберут».

Сестра в сестру: вплестись, вдавиться, втечь,
Узоры выцеловать вдоль белых плеч.
«Игра такая – никаких не стоит свеч,
Да что считать нам, что теперь беречь?»

Сестра – сестре: «Зато чиста ты, и я чиста,
Не знать нам никого, хоть лет до ста», –
И оттого как расхохочутся – не перестать...
Сестра с сестрой засыпают: к устам – уста

Не_вместе

А нам птицы пели гадалки пели
Обручальные кольца пели
Друг без друга могли себя мы представить еле
Две души два сердца в едином теле
И иного, даже лучшего, – не хотели

А сегодня ты не греешь моей постели
Больше никогда не согреешь моей постели

* * *

Порой – что они из разных, чужих миров.
Он любит джин и при этом читать Дидро;
Она признает только Маркеса и мате.
Но ночью они почему-то ложатся в одну постель.

Ему сложно встать позже семи утра.
Она до полудня рассеянна и хмура.
На обед всегда ссорятся из-за выбора блюд.
Но почему-то они говорят друг другу: «Люблю, люблю».

Вечером тоже: ему – театр, ей – танцевать,
Ему – подумать, ей – чтобы легкая голова;
Или ему – в кино, ей – дома сидеть, вязать.
Но почему-то она мечтает, чтоб у ребенка – его глаза.

Она ему: «Только футбол и твои друзья»,
Она ему: «Только посмей меня жизни учить! Нельзя!»
Он в раздражении, в ярости, если она пьяна.
Но не признается, что в мыслях о ней: «Моя жена».

Она считает, что можно чаще дарить цветы,
Его бесит ее манера ко всем на «ты»,
Он терпеть не может этих куриц – ее подруг.

Словно Инь и Ян, они складываются в круг.

По-Божески

Господи, не оставь нас ныне и в наш смертный час. И мы Тебя тогда не оставим, по-божески громко восхвалим, свеч от щедрот понаставим... Никто Тебе, Боже, не равен в Твоей ослепительной славе; никто Тебе, Боже, не вровень в Твоем исключительном праве решать, кто прав – кто виновен, кого казнить – иль помиловать... Боже, это уж слишком. Казнить нельзя помиловать: читал ли Ты эту книжку?

АЛЕКСЕЙ КОСТЫЛЕВ

* * *

Сквозь несвободный сон не докричишься: кто там?
Прохожий не проходит через два стекла.
Но отпадет непроходимость стекол.
Возможно, только для тебя.
Возможно, попусту, слепое совпадение,
не знак, не подвиг внутренней борьбы,
свобода за закрытой дверью
касаться, точно пальцами, с любимым,
увиденным за собственным окном,
за радужною оболочкой чувства,
когда накроет, точно кровлей, тишиной
неразделенной сердца. Станет пусто
окно, оставленное в страхе
быть отраженным так, как есть.
Ведь ты не восклицательным ли знаком
здесь говоришь о перемене мест.
Окно, парализованное страхом
быть отраженным в чьих-нибудь глазах.
Ведь ты не вопросительным ли знаком
об утверждении пытаешься сказать.
Ведь не уйти от вечных фонарей,
ведь не уйти от патрулей такси.
Но без своей души поводырей
ты в лабиринте некрасивых и тоски.
Все выше потолки и все смелее стены,
на съемных хатах не кривят углом.
Возможно, этот дом когда-нибудь заменит
тебе не сбывшийся, но вещий дом.
Все те же стены и все тот же потолок.
Тебе стучат в окно, не в дверь, открой.
Окно в четыре неба, не наоборот.
Открой свои глаза. Открой.

Земля

В райцентре чудеса и слезы:
в карманах ищут героина.
За сломанным молоковозом
водила всласть нюхнул бензина.
В деревне проще: карп с полено
и в три обхвата есть сомы.
Простое счастье неизменно
приходит в дом взамен зимы.
Ни каменных изгибов лестниц
и ни кусочка кирпича.
Дома, как издревле, из песни
с одной бутылки первача.
Гуляй, Душа! Я не прошу изгнания,
водопроводной ссылки рыбака.
А в книжках вырваны заглавья.
Кусочек «Правды» – подороже табака.
На сеновале Федька с Машкой
не навалиют дурака.
Пусть кажется совсем не страшным
ему дубасить старика,
который не поймет, что деньги – глупость!
Старуха ноет у крыльца.
Пусть выпьет он, не будет трудно
опять смотреть в глаза отца.
А Бог устало тупит очи.
Лишь лампы звезд без потолка.
В безумии похмельной ночи
он крутит землю на манер волчка.
Но смерти нет. Река бездонна.
И все страшнее эта глубина.
Старуха плачет, что больна буренка.
Не нужно обухом. Пускай сама.
Как мало времени для нас
дано в маршрутке. В чашке чая
не чая не хватает – мало дна –

и лишь опустошает чайник.
Дано в маршрутке три рубля,
шансон и вид прохожих в клетке.
Из города проваливаешься как бы для
того, чтоб город оказался в табакерке,
в коробочке, в которой отродясь
не закурить – отправить эсэмэску.
За тридевять земель отправься восвоясь,
вдруг опознать в оконце местность.
Чтоб понедельник был не просто день,
а с тяжестью осадка – прожит.
Чтоб провалиться прямо в – здесь,
сейчас ты чувствуешь себя под кожей.
Дано маршруткой: дверца и рывок.
Как мало нам для сердца – кофе,
чтоб учащенный стук помог
отгородиться: мне все пофиг!
Как мало нас. Как мало снов
запоминаешь. Выходных, погоды.
Ты возвращаешься к себе домой
с авоськой хавки, идут годы,
идет по пятому какой-то фильм.
Ты не ошибся с первым шагом?
Спаси тебя твой кофеин.
Так мало времени нам надо.
Ну, здорово, друг, и пошли тусить!
Приходи в себя, выходи из
комнаты – если ты не ссышь:
соберись. Собирайся. Договорились?
Все равно, кто больше выпендривался,
мол, достало все, мол, мне скучно, бля.
Ноготки – это есть календула.
В банке с маслом макрель – скумбрия.
Ну а мы? Что мы, чересчур открыты,
чтобы двери и окна раскрыть наружу?
Поименно нас – не враги, кретины.
Не кривить, так плюнуть наотмашь в душу.

Так пошли дружить да давай тусить!
На кону стоит наш последний шанс,
доказать кому-то, что ты не псих
и что в каждой строчке твоя душа.
Этот трип убьет нас. В тебе – меня,
и во мне. Но нам не грозит потеря.
Доказать Каму-то, не чтоб понять
самого. Как деньги, потратить время.
Я банкрот, и мне не дадут кредит.
Выше нос, ну что, поднимаем ставки?
Это бег по кругу. опередить
не пытайся – теперь мы играем в салки.
Потому что тянешь, боясь порвать,
пятью с лишним слов находя значенье.
Ну, здорово... Друг, не боюсь соврать,
только жизнь страшит на краю печенья.
И не страшен черт, алкогольный криз,
в поцелуе губы содрать до драки...
Пятью с лишним чувств оборвался крик
и обжег клеймом тишину бумаги.
Так сказал поэт? Так сказал я сам?
Только, знаешь, мало предвечных истин.
Этот трип убьет нас, и в этом – смак.
Ну, пошли тусить! Поживем – увидим.

СЕМЕН ПЕГОВ

* * *

Выдернул горло чтобы вспороть молчание
молчать значит тоже врать подавая немые знаки
спасибо что мой гражданин начальник
речевой аппарат вы вывернули наизнанку

прав только тот который ведет допрос
сегодня я оказался другим вторым
тем что болью во время беседы слегка оброс
но я благодарен за то что заговорил

конечно все это чем-то напоминало пытку
но в испытуемых я искренний доброволец
убежать от судьбы не избежать судьбы
пробовал мечтал попробовать

* * *

Тогда сказал в сердцах австриец
открывайте ваши лица
если жизней у вас три
то читайте вслух улисса
нет читайте лучше джойса
он похож на одиссея
имя грека больно жжется
западая прямо в сердце
сколько можно скушать сюра
знает только тот кто знает
у меня температура
лихорадит после сна
сон бежит от человека
я бегу от даниила
в русском языке лазейка
под рубашкой ныла ныла
красным расползлась пятном

по материи из льна
в ней завернут был не тот
чья поэзия сильна
потому что врал и врал
не хотелось про любовь
русской речи ярый враг
для тебя лазейка кровь
отведите меня в церковь
просто постоять у края
на моих глазах из центра
неба боженьку украли
будет хмуриться профессор
будто все поток сознания
будто мысль лишилась веса
рухнуло метафор здание
только мне не станет легче
я не брежу не жужжу
мне оправдываться нечем
я на камушке сижу
мир один большой овал
я – на краешке овала
загрустит в лесу сова
ты меня поцеловала
ты роди мне дочку дочку
я заброшу в печку книжки
ты роди мне дочку дочку
просто сердце отомкни
я схожу с ума без деток
карих крохотных таких
в злые чувства неодетых
бегающих у реки
начался рассказ с кошмара
и во мне один кошмар
в доме ворон речью каркает
речки змеями кишат
шаркают автомобили
кто-то едет в катафалке

грека гопники побили
швед стоял в шикарном фраке
что творится завертелось
что я тут насочинял
возвращайся прямо в тело
и поставь нам нем синяк
души могут кулаками
могут даже в морду дать
бросить в совладельца камень
или жизнь вообще отнять
только мне не страшно я
со вчера уже не сплю
слышишь я тебя люблю
умираю без тебя
дергает от нервов бровь
ты сквозь кровь во мне плыви
если стих не о любви
значит точно про любовь

* * *

Ты знаешь пусть звучит как приговор
но то что было невозможно потерять
и все мои стихи ни про кого
поэтому считай что про тебя

поэтому почаще вспоминай
о том что было было море чувств
и сколько в памяти их в мусор ни сминай
от этих чувств я больше не очнусь

а значит милая безвыходно ты всех
румянее прекрасней и милее
слова растут и превышают вес
я их внутри старательно лелею

не то чтобы стабильно поливаю
они и так прорвутся как бамбук

бамбуковую рощу вырубая
я вырублю когда-нибудь табу

о том что будет будет ничего
но ничего не будет без тебя
и солнечный неистовый огонь
не загорится небо тебе

а ты считай что больше не люблю
и не любил пытался обдурить
теперь название придумать кораблю
качаться в гамаке бамбук курить

АНАСТАСИЯ ТРИФОНОВА

* * *

Если скорость переходит в звук,
Значит, город здесь теряет отзвук.
И теперь подмигивают звезды
Мне с полей, разросшихся вокруг.

Боковое коротко. А поезд
Ускоряет бег. И дробный стук –
В ритме рэгги. В тамбуре курю.
И свобода у запястья вьется.

Желтизной сжигают фонари
Безупречность ночи. Проводник,
У себя в купе закрывшись, дремлет.

Бесполезный чай давно остыл –
Все хочу взглянуть со стороны
Как круги колес съедают землю.

* * *

Нужно выпить, чтоб трезво взглянуть на мир.
Нужно выйти из комнаты, чтоб оказаться запертым
В камеру обязательств мнимых,
Создающих иллюзию занятости.

«Мама, здравствуй! Прости, что вот так. Внезапно.
Мне казалось, могу». И дежурные бутерброды
Выплывают армадой на стол. «Знаешь, мама,
Одиночество – это частность свободы.

Нужно б радоваться. Как там принято?
Тренировка мимических мышц, пара-тройка реплик?
Помнишь, мама, как страшно плакали в цирке
Тигры, выпущенные на манеж из клеток?

Почитай мне, как раньше, ту сказку вслух.
Хоть страничку. Про войны, про деву в заморском платье,
Петушка, звездочета... Я, может, внутри найду
Хоть намек на частность свободы – счастье.

Мама, милая, поздно. Пора домой.
Только ты мне, родная, как прежде и рада.
Подожди две недели. Приеду. Приеду весной.
Приберу. И покрашу ограду».

ЛЕВ ОБОРИН

Карамель

*It won't do to dream of caramel.
Suzanne Vega*

На стене сбербанка изгибом искусственные лианы
Старухи спрашивают, который час, у охраны
Каждая рано встала с узкой постели
где она мечтала о карамели

Что же
в вечной глуши пластмассовых традесканций
обитатели городов живут чаением новых станций
метро, обитатели деревень живут чаяньем хмеля
но еще мечтают о карамели

Что же я
У меня есть жена, мама, папа
бабушка, друзья
заграничный паспорт
У меня есть то, чего многие не имели
но еще я мечтаю о карамели

Невыразимого цвета, тягучая и живая
как таковая, из каравай-каравая
сегодня не завезли, зайдите на той неделе
не мечтайте о карамели

* * *

Ступор, когда возвращается детство: ужели может
Человек в этой жизни найти под камнем сороконожек,
Думать, что кровяная листва обернется почвой-гематогеном –
Да сама эта мысль тебе смотрит в глаза таким сокровенным,
Что замираешь – а перед тобою детальная ювенильность,
Земляная ее, не сверкающая ювелирность.

Ночью часы на стене тикают о позабытом,
Мумия возвращается, вопрос остается открытым.
Голубое свечение телевизора из-под двери,
Человечки ходят по темным дорожкам на белой портьере.
Завтра в костре будет старая рукопись со следами копирки,
Дождик заморосит, пробивая в буквах на пепле дырки.

Значит, возможно жечь. Алгебра так стыдливо
Учит абстракции, география врет про заливы –
Все заливает, тебе не сбежать от костра и сосен,
От маслянистых жуков под камнями, от скоро осень,
Ты это знал и раньше. С кем это я говорю.
Ветер сажает каплю точно в кружок буквы «ю».

* * *

Так вернешься из огня да в полымя – нет,
В теплый уголь сансары.
Как войдешь в любой пристанционный буфет –
Вот и хлеб, и фанфары.

Грянет в Люберцах державный оркестр «Любэ»,
В Долгопрудном – «Дюна».
Предоставлено почетное право тебе
Ни о чем не думать.

Из-под снега лезет время, песок рыжеват,
Набухает почка.
Временами тебе хочется разжевать
Амнезию почвы,

И не будет тебе слов, выражений, тем,
Вместо них – присловья.
Можно будет тебе в гости ходить ни за чем –
Пожелать здоровья.

Переводы в первом приближении. Часть 4

Господин Президент! Наступает сезон тропических ливней.
В связи с этим вопрос: что планируется сделать
для своевременной уборки урожая
и предотвращения затопления ферм
вдоль поймы реки Амазонка?

Господин Президент! Хочу просто выразить благодарность.
Никогда я еще не испытывала такой гордости за страну.
При вас все наконец-то пришло в порядок.
Спасибо вам, простое человеческое спасибо.

Господин Президент! Получил пособие ветерана.
Возвращаю его обратно, благодарю за заботу.
Где вы были, где была ваша гуманность,
когда у меня вырывали ногти?

Господин Президент! До каких пор в школах
будут брать взятки за отметку по физкультуре?

Господин Президент! Я получил сообщение.
Я должен его передать. Мне поручили.
«Земное правительство! Мы, представители звездной системы
Дельта Ориона, сообщаем, что, если
вы не откажетесь от ядерного оружия
и ментальных проникновений, мы вас уничтожим».

Господин Президент! Выражаю свою тревогу.
Мне кажется, у нас не хватает свободы слова.
Прошу мне ответить.

Господин Президент! Мы две *belli ragazzi*,
мы хотим от вас детей! Ну а если это невозможно,
то хотим, чтобы наши будущие мужчины
были похожи только на вас! Чао! Чмоки!

Господин Президент! А Мишка ругаица матом.

Господин Президент! Как пропатчить
KDE2 под FreeBSD?

Господин Президент! Вчера мне приснилось,
что никого вокруг нет. Вся земля пустая.
Скажите, возможно ли это? Или где можно сделать так,
Чтоб этот сон повторился и не кончался?

* * *

Все потерянные вещи где-то лежат.
Загляни в траву – это такой музей.
Это такой храм. Муравьи и жуки сторожат
Стеклышки от очков и щипчики для ногтей.

в крышке от газировки крестят детей

Перед неведомым, но хорошим броском
Надо лежать, как пропажа, навзничь или ничком.

*что было сегодня горячий стакан держал
кипяток хореограф чайнок обжигал мастерством
стакан был стекло ложка была металл
память на автопилоте все обращала родством*

Мама и папа, без вас я бы здесь не лежал.
Божья коровка ползет, сама себе невдомек.
Грудь выгибает травинка, как великий трубач.
Через пуговицу проклюнулся стебелек.
Вот один кузнечик другого предостерег.
В пересказе вся эта сцена смешна и груба.

Самолет летит высоко, через лес, на восток.
Это особый лес, горы елей, холмы осин.

*самолет распыляет над кладбищем керосин
отработанный керосин и летит и уже далек*

* * *

самая высокая гора это вовсе не эверест
а стоящая в океане мауна-кеа
американцы там строят макдоналдс на тысячу мест
а шведы строят икеа
но когда пустеют строительные леса
из кратера который недействующий и старый
выбирается как белка из колеса
смуглая девушка с гавайской гитарой

МАЙЯ РУЦКАЯ

Прогулка

Круги вокруг сада мы нервами нашими,
Ходя по весне, намотали в кулак.
Уж так повелось – ни о чем не спрашивая,
Смотря лишь в глаза, понимали и так.

Скамейка. Шатается. Сядем на третью.
Слова лишь мешают, обойдемся без них!
Я, Пименом став, это выплачу Сретенье,
Я летопись нашу веду за двоих.

Клубки Ариадны все же надо распутывать,
Порвутся они – и не будет пути.
К тому же, забвеньем нас сад стал укутывать...
Пора. Надо, чтобы вернуться, – уйти.

2007

Осень

(По мотивам Р. Магритта)

Косыми саженьями ливень в окне
Проносится, падает в воду искромсанную –
Как щетками пыль, как занозу извне
Стирает с окна портрет лета курносого он...

Уборка на славу, пред въездом другой
Здесь все постоялицы чисто вымыто,
И вот заступает теперь на постой
Художница, девочка-осень, с палитрою.

01.09.2007

МАРИЯ САМУЙЛОВА

Рыбам

Твоя дорога луковыми кольцами
И слезы на глазах
На возвращенье ставлю медный рубль
Проигрываю золотые дни.
Так стекаются обстоятельства
В уголках глаз,
Блестят прозрачностью намеков.
– Кого винят рыбы, задыхаясь в пустом аквариуме?
– Стекло

Перспектива

Октябрьское солнце
Любовалось своим отражением
В твоём оконном стекле.
Зеркала одиночат
Тех, кто ещё не выбрал
Чьими глазами смотреть
На себя.
Любое зеркало – двоеточие
Между двумя
Частями одной иллюзии
Сложноподчиненной реальности.
Ты разбиваешь по зеркалу
Перед каждым моим приходом.
И я снова здесь.
Читаю твои мысли по губам
Губами.
А после
Долго смотрю в окно.
Не обижайся.
Просто я хочу увидеть
Перспективу

* * *

Да, я боюсь мигающих огней,
Как симбиоза темноты с прозреньем.
Беспрецедентность каждого мгновенья
Не повод пересказывать свой день
И по ночам точить тупые рифмы
С тоской ножей в квартирах бывших жен,
Где первый блин застрянет в горле комом,
И пыльный свет мигает рядом с домом,
И каждый страх по-своему смешон.

ОЛЬГА ТУРКИНА

* * *

Чуть
не
просыпала соль
Чуть
не
уронила вилку
Всюду
слышится
«оль»
Эхо
течет
по затылку
вздрагивая от прикосновений –
даже сквозняка, который близко
я своими мыслями навеяна
и лежат мои манжеты на записках

из ладони родилось
желание пожать ладонь
другую

совмещая линии

* * *

Черный тюль теней, кошачье сердце
Вот и все, перед чем на коленях бы жил переулок
Целуй свои мысли
Жалей свои мысли
Белая ночь выходит в черном пеньюаре
В замолчавший наглухо переулок
Господа, не пейте ее всю, не расточайте точеную роскошь
Я оставлю эту белую ночь на черный день

* * *

(без знаков и препинаний)

я бросаю монету и путаюсь в ее ребрах
остро злым орлом быть мне с людьми или плакать добро
– если решка – прижигая каждую каплю целебным
чьим-то запахом. быть тонкой материей или хлебной

монета, мелькая, сверкает и с солнцем спорит
по яркости бликов, вращениям, рабству и горю.
я еще не смотрела себя ни в одной зиме
как живые глаза зазимуют в берлогах лица
и когда я пишу, прошиваю строку многократным тире
– в пунктир пунктики. перестань перестань пере-стань!
я качаюсь фрагментом окружности съеденной пешки!
мой голодный ферзь, столько в стихах простыней
о тебе, что на парус и в дальнее плаванье спешно.
я листаю глазами лучи общих глаз – в ночи дней;
и живу, заживая, сильнее. сильней и сильней.
...Решка.

* * *

Ночь копошится по углам.
Беспомощно пытаюсь надышаться
Перед рассветом. Пополам

Тьма делится, исчерпывая шансы
Пожить при свете, хоть бы в теле
Падающей исчезающей тени.

Но утро длиннющей ногой
Тянется, наступая на нагое
Горло тающей темноты.

И уже полдень с днем на ты,
И свет безжалостно сквозит, палач,
Посаженную на его кол ночь.

* * *

ну, иди ко мне
не иди ко мне, индигоглазый
все боится за менятебя единогласно

войдешь ко мне раем
выйдешь воем, роем
утрат, ямы роем
в своих лицах, вымывая все глаза
я ведь говорила
все ведь говорило

многоэтажные стихи
тихи лихи своим хи-хи
было слово-олово
было слово-озеро
было слово-зеро
было слово – мы в начале
еще, а уже мы раздроблены
разграблены

иди-ка
ты со своими индиго

* * *

Утро уже не исповедует, в нем найти
можно выдохшуюся газировку, дурацкий воздух
когда я слышу в свой адрес «театр», я слышу «титры»
– что ты ко мне чувствуешь?
– ненависть; обожание.

Крепка дружба белой вороны и черной кошки
Наутро я говорю «зря»
Ты – «зря»
Что, сливаясь, неузнанным остается.

* * *

Пропахшие кострами сны. То, либо, nibудь
Усугубляет суть.
Когда дерево мыслит, его тень зеленеет.
Из почки вылезает зеленый лист
Я думаю карандашом, и формула, смея,
Сама вылезает на белый лист,
Что на коленях, как змея, и сползает на колени.
Травы желаний вырастают в сердце, немея
Эти травы травмируют
Вырастают
Травмой
Травмой
Прав мой
Мозг наверное, что хочет голых земель
Или все заасфальтировать
– заинфальтировать травы.
Думаю травмой
Трамвай ковыляет
Шумы. Вокруг ленты шумов.
Мозг действительно мост
От уха к уху.
А мы стоим на пыльном камне.
Этот камень под живыми и над мертвыми.

* * *

(больничное)

Я подражаю горизонту
Я так вжилась в роль горизонта
На этой койке
Кое-как
Я истончаюсь и загораюсь малиново-ало
Как раскатанный закат

Закатанный катком закат
В голове

Твое лицо на фоне паузы еще мрачнее
В руке – ожидание
В руке – капельница
Спасибо, что скоро уйдешь – твое лицо здесь слишком мрачно
Смотри, какие у меня белые стены!

Птице

Я принимала твои птичьи сны
В пилюлях, запивая твоим птичьим молоком
Твоим птичьим молотом
Клюва –
поцелуй твой вызывающ
Твой поцелуй – это клюква
Твоя взъерошенная чернь
Твоя взъерошенность разбрызгивает тьму
Прямо в рассвет
В рассветово лицо.
Час ночи я люблю тебя, Птица.
Час ночи и тебе пора в тебя
Ты любишь меня шесть утра
В твоём сильном и низком полете ты уронила все бусины утрат
С порванной в клюве нити.

У меня на окне Твой Глаз.

АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА

* * *

Седьмого февраля шестнадцатого года
Шел Ходасевич. Снег
ложился на пальто.
Под камнем Петербурга
С культурной памятью в глазах
Собака грызла кость.
А мимо проходил
Владислав Фелицианович –
так звали человека
Который мимо шел в шестнадцатом году,
По ветру против ветра,
И на носу очки,
И под ногами лед;
И в этот год
Зима была – зима,
Зима несла вперед
Стихи и пули. И собака,
Не ожидая милости поэта,
Смотрела, как положено, вослед.
И с нею не случилось ничего.

* * *

По длинной-длинной улице с короткими домами,
где то ли снег недавний, то ли белый сухой асфальт,
зеленые балкончики, зеленые деревья,
любую машину видно еще издалека –
идем просить прощенья
прощенья друг у друга
сходимся улыбаясь
считаем шаги
прицеливаемся

* * *

Выходя из кафе,
схватила с барной стойки
осколок сахара.
Почти не сладкий, но совсем такой,
какой я представляла
застывшую вишневую смолу в саду с корявой ветки.

А за дверьми раскисшая Москва,
фонарики роятся над подтаявшим катком,
усталые потные дети тащатся домой к ужину,
и теплые внутри машины
расчищают себе дворниками путь на окраину.

Ах, город, город – только что курить,
ходить в кино и в парк гулять с коляской / с собакой,
на отпуск строить планы,
обсуждать соседей
и спать ложиться рано с легким сердцем,
не помня ничего уже о вишнях.

* * *

Мне снится иногда, что все еще брожу
в лесах многоэтажек
ищу метро в районе незнакомом
автобус жду и пыль отечества клубится на ударной стройке
...Строка же убежит из сна под горку
по коже мостовой и мимо кирпичи
и холодно пищат какие-то чижи
и вороны огромные в штанах
каштанами в футбол играют.
В Страстную пятницу все тише тишины
но дым из труб, и на велосипеде
старушка, несмотря на холод,
раскручивает март, как карту жизни,
как самый неизбежный признак жизни,
как призрак жизни самой неизбежной.

* * *

– Рижский вокзал, конечная, –
говорит троллейбус.

Ослепительный дым
примерзает к стеклянному небу
подыши на небо
протри рукавом полынью
смотри
как барахтается опрокинутый город
голодные рыбы толпятся
в ожиданье зеленого света
и тепло из трубы вытекает на дно

– Оттаивает троллейбус, потому и капает, –
отвечает кондукторша.

* * *

и порвалось
и понеслось
по синему клоки
перед закатом
как в Швеции
всю ненависть уносит к северным морям
и пароходных труб сияют сапоги
и эмигрант стоит на берегу
испаноговорящий
и играет на губной гармошке
и чайка мерит мускулистой лапой
засахаренный лед.
...ну и весна в Последнем переулке,
и на качелях школьники с бутылкой,
и рвется, и несется, и бегут
по небу телеграммы облаков,
и от Москвы до северных морей
нет никого бодрей и веселей.

* * *

Боль осени
я не хочу
переживать самых счастливых моментов –
жженных листьев,
хрупкого воздуха на улице, идущей вверх,
женщины в тапочках в арке старинного дома,
облупившихся стен,
ставень
(или ставней),
реки, похожей на парашют,
рыбака, неизвестно как попавшего к ней,
и воскресенья, когда все закрыто
и всюду бесплатный вход.
Боль осени, ты уходящий звук.
Река, ты уже простилась с террасами вдоль берегов,
и ни туристы, ни местные не слушают тебя за обедом.
Женщина в тапочках,
та, что вышла во двор покурить и вытряхнуть ковер,
в ожидании мужа, одинокого рыбака,
бьет что есть силы свою прекрасную воздушную боль.

* * *

Так:
мятая бумага, тающий снег, коричневый сахар –
и голод,
голод не по еде и любви.
Обещающе –
с первой платформы отправление на Москву;
Конаково ГРЭС, Конаково ГРЭС,
угрожает вторая,
и дождь на ходу,
на глазах превращается дождь
в коричневый сахар,
в узловатые руки старух,
в мир беспризорный
из двойного окна электрички.

ВАЛЕНТИНА КАНУХИНА

* * *

Твердый воздух бьется и звенит.
День актерства зажигает свечи.
Крошится под пальцами и лечит
От мороза треснувший гранит.

Впитываю крошки этих стен,
Голубей, трамваев переливы,
Улицы змеиные извивы
Повторяют повороты вен...

Россыпь шума брошена в лицо
Брызгами из каменных ладоней,
Поездом метро на перегоне
Город замыкается в кольцо.

Акварелью вымытый закат
Все земное возвращает к небу,
И хрустит зима, как корка хлеба,
И, как в детстве, – радость невпопад.

02.07

Между строк

Я с тоскливой надеждой смотрю на часы,
На дождливую осень взираю в окно.
Я слоняюсь вдоль белой сплошной полосы,
Я отнюдь не бунтарь, и не все ли равно?

Оживают химеры и рвется струна,
И спокойно молчать не хватает лица.
Я прошу – уведите меня от окна!
Я – стою на краю, ты – идешь до конца.

В моих пальцах сплетаются нити дорог,
Я хранитель ключей и податель судеб.
Как и все до тебя, миновать ты не мог
Мою теплую кухню, где сахар и хлеб.

Как и все до меня, я найду что сказать
И закрою шлагбаум на первый твой шаг.
Ты пойми – не дано возвращаться назад
Тем, кто сделал свой выбор и видел свой знак...

10.10.07

ОЛЬГА СОБГАЙДА

* * *

Жизнь... Кружочки: снега, конфетти,
шоколадного драже; квадратики: пижамы,
кафельных плиток, асфальта; полосы: черные, белые,
продольные, поперечные... А есть – удивительные
диагонали... Очень удивительные.

На сочно-синем небе затерялся кусочек
отломанной луны, одинокий, никем не замечаемый.

Диагональ – фонарь, наблюдательный, высокий, с длинной,
как у жирафа, шеей,
но... тоже – одинокий.

Еще диагональ – окно, большое, любопытное;
в нем – искусственный дневной свет; за ним
– бледные переливы одинокого фонаря;
над ним – кусочек сливочно-мороженой луны.

Одна диагональ... три одиноких силуэта...
Через все жизненные кружочки, квадратики
и полосы проходит одна большая диагональ,
которая подсказывает каждому из трех
никем не замечаемых предметов: ты – не одинок.

Смотри вниз, вверх, по диагонали... И ты
обязательно увидишь... его... их... нас.

* * *

Одуванчики позвонками-пуговицами
аппликацией

на ворсистой траве...

Звонками от солнца...

Нитками-травинками пришиты.

Наклоняешь ладонь к ним,

почешешь, беребишь их макушки.

они – солнечными звонками

отдают в тебя

солнцевость

* * *

...я могу смотреть на улицу,
на дождь и на людей, внутри, в салоне
троллейбуса.

Так вот удобно!

С одной стороны – я промокшее стекло,
окопаченное мурашковыми каплями дождя.
Они тараторят по моей стеклянной щеке,
исписав водой все строки моего оконного
дневника.

А с другой своей стеклянной стороны
– я немножко запотело. От влаги. От дождя.
Чуть от маленького холода.

И – жаль! – почти ничего не видно.

Но...

Чьи-то глаза упорно смотрят на меня...

Мне в глаза...

Ой! А вот чья-то ладонь касается моей щеки,
она гладит ее, стирая запотевшую пленку,
освобождая путь – дыханию!

– Я вижу ее! Она смотрит...

Не пойму: на меня, или на капли,
или на улицу.

Она странно смотрит.

Растворившись в моей оконной жизни.

Она будто пьяна...

Растворяется в каплях дождя.

Неподвижны зрачки, ресницы...

Голова у нее – вся мокрая.

Кончики волос как смоляные ветки сосны,
хвойные веточки, в которых рождаются
новые жизни новых капелек.

Рождаются, растут, и, скатываясь книзу,
– падают.

Интересно, а она, как и я, любит дождь?..

* * *

Трехстворчатый апельсин
окна.

В запах осенних листьев
не верят
только ежики
на внутренних карманах пиджака
Женственная
какая она женственная,
осень.

Бросаю письма
наугад.

Приходит,
ночью
разжигает
свой мраморно-холодный
фимиам.
мороз в скверике носа.
Вкраплениями звезд
в городе
затесался
промежуточно-сладкий
привкус –
восторгающиеся отцветом
травы
шумят на выдохе.
Спелые
люди.
В зрелых ботинках
как будто по лужам... – ведь будут?
хлопают
по плечу
уснувшего на сиденье
кондуктора.

Трамвайную засуху
выменяли
на сладко-брусничные витаминки.
И листья первыми заметили,
что ты сегодня
осенняя

* * *

Крючковато-кудрявые облачные грядки
вспушили, разрыхлили и побросали в них
зерна солнышковых соцветий,
зерна солнца.

Туманно-зеленой паутиной
обняты деревья – легкий зеленый набрызг
на длинную полосу деревянного забора.

Небо плюхнулось в воду, волны прилипли
к небу, а между ними, сквозь прорези
облачной корзины, проглядывает солнечный,
только-только зацветший весенний одуванчик.

Зависнуть бы в этом межкорзинковом
пространстве!.. Хотя... И здесь хорошо :
на зеленой траве рядом с лимонно-кремовым
бордюром. Я и отсюда все вижу,
с моего зеленого настроения бордюрной весны.

* * *

По полу – лунные дельфины...
Осторожно, бесшумно всплывают, просачиваются
сквозь стекольные щели, сквозь оконные трещинки.

Вы замечали когда-нибудь:
непрестанное движение солнечных зайчиков,
прыжки, кувыркания этих золотистых веснушек.
А вот – свеча в полупрозрачном

джемовом воске, таком густом аппетитном
абрикосовом, разве что только косточек с мякотью нет.
И над всей этой вкусоптицей восседает
огненный парус: ветра нет, а колышется,
подергивающе раскачивается. Без движения,
а плывет... куда-то. Он тоже... когда-то
был просто солнечным зайчиком. Сейчас
повзрослел, стал задумчив, и все
плывет куда-то, плывет...

А лунные дельфины – не изошряются
на каскадерские трюки, никуда не плывут.
Они просто призрачные, спокойные,
большие лунные дельфины.

* * *

Поразительно быстро солнце сглатывает
краски окружающего.
Высасывает через трубочку
зеленое – у деревьев и травы, синее и голубое – у неба,
желтое – у самого себя.

Этот красковый напиток оно взбивает
месяцевым миксером, и, стерильно упаковав его,
солнце спешит к холмовому креслу-качалке,
в котором, наконец-то убаюкавшись,
оно незаметно засыпает.
Вот потому так быстро все окружающее
обескраскивающе заштриховывает себя
послезакатной черной тушью,
тоже потихоньку убаюкиваясь в такт
сладкому, зевотному, засыпающему
солнцевому креслу-качалке.

АЛЕКСАНДРА СОБОЛЕВА

* * *

Сохрани меня косточкой вишни
в ладони.
Может быть прорасту
на исходе апреля,
когда лишь подснежник
березовые коктейли
дегустирует ночью
перед восходом
Луны,

Когда снегири не успели – на север,
а грачи их уже
по-хозяйски вальяжно
с ветки
на ветку
крыльями просят назад
во вчерашнюю зиму,

Когда еще смутное время
на тротуарах в полупроснувшемся,
полуморозном, полуленивом,
еще не крылатом ветре
поглощает улыбки
прохожих.

Может быть прорасту
южанкою-дикой-вишней,
которой тесно
между
лужами-тучами-
астрами-звездами,
Тесно дарить свою сочность
безупречно красивой вечности,

Но так привольно
между
Марсом-Венерою-
линией жизни-
тактами сердца
в предместье луны,
Вольно нести свою нежность
безгранично живой ладони.

Сохрани меня – я прорасту,
когда о любви уже не говорят словами.

* * *

как в воду глядела – вечер предсказала
говорить не велено – слова сбываются
зачем горе кликать? Пусть спит в молчании.
«Благодарствуй», – шепчу,
одари мудростью призывать
счастье.
В моем саду ангелы
ткуют его
а ниточки – слова мои

* * *

Костел горит первозданным
огнем молитвы,
языками и шпильями
раскрывая небо,
наполняет его светом,
органичной музыкой и
песнопеньями,
все ярче и ярче...

И имя уже не важно.
И форма креста
не меняет сути.

* * *

В этом городе только шиповник меня и помнит
В этом времени Бог – только память
И дороги не ведают цели

В этом городе даже три дня – роскошь
и к воскресенью
плодам не созреть
если взгляд обессилен

Кто видит клад на своих ладонях?

Клад хранят в сундуках и шкатулках
и дорогам даруют названья:
и не «А» и не «Б» –
между мирие
между людие
между Я

Но однажды ты раскроешь ладони
а там –
пустота

* * *

Я сбрасываю шкуру превращаясь в дождь
и гроздь неба рвутся из ладоней –
сорваться и
совпасть
водою
с тротуаром
с фасадами домов
с мережкой ветвей
с двенадцатым ударом –
и застыть.
И может на мгновение
в себя
развоплотиться

* * *

Город созревших листьев влажен
я смотрю как небо пускает мыльные пузыри
жирафов верблюдов пещеры сим-сим откройся
аладину лампу ковры-
самолеты
мережкой вышивают по скатерти самобраной
буквы слова
хурма и халва ириски ирисы и нарциссы
Мальчик несет в охапке счастье:
«Мама, гляди сколько звезд!»
и дома поселится запах клена
А ты – выпускаешь кольцами дым
прихлопываешь каблуком мокрый лист
дождевые черви путаются на пути
надвигаешь на глаза шляпу и философски бросаешь:
«Осень»
А в небе – жирафы слоны и ириски
И город созревших листьев
влажен
но ты –
опаздываешь жить.

* * *

Птицы собираются гроздьями
крупой по небу
рассыпаются
крыльями воздух ткнут
осеня крестами
небо ли
землю ли
вдох... –
бесконечность
ладоней
линий
Ангела Хранителя
в дорогу

ИВАН САПКОВ

* * *

свинцовое облако
переменчивое обликом
облокотилось
о домину,
похожий на фишку домино.

донимает одно:
что я сижу тут,
а люди идут мимо –
там –
за окном.

и если
спросишь «как дела?»
отвечу:
«нормально,
новрально».
и это будет о том,
как люди постепенно
в районе спальном
сами становятся сном.

* * *

«эники-беники-ели-вареники»
спускаясь в метро, имени Ленина,
с проспекта имени Ленина,
с удивлением
видишь стариков и инвалидов
и по началу немного обидно,
но потом становишься растением,
где карманник – опылитель вашего общего вида.
а цинизм – это ментальная форма гниения
твоего либидо,
производная от слова ценник.

СТЕПАН БРАНД

* * *

Пустой деревянный вагон
засыпает с открытым ртом
и к своим берегам
тянется, качаясь как сон.
Во дворике кто-то остановил качели.
Со звуком тающей виолончели
туман съезжает на город
по проводам.

июль 2008

* * *

Топор лежал,
и слышался от топора
негромкий, но высокий тяжкий звук
заточенного толстого металла
и в тишине безветренной давил на слух;
и чайка острая, что низко над землей летала,
по-видимому, знала этот звук
и плачем диким отвечала.

декабрь 2007

АЛИСА РОЗАНОВА

правда

когда меня родили
завернули в газету *правда*
и это правда
хотели сказать что-нибудь особо торжественное
выпили за будущее за здоровье
закусили
и забыли
а я до сих пор не понимаю

как можно?

каждый мужчина

каждый мужчина желает знать
где его деньги
деньги-ботва
посадишь и собирай урожай
для этого разработаны
как минимум финансовые пирамиды
как максимум родная братва

такие мужчины берут в кредит дорогие машины
у них всегда самый модный в этом сезоне телефон
и работает он лишь на прозвон
а главное мелодия простая такая полифония
к примеру, «белые розы» – ласковый май
я, типа, парень простой, всего добился сам
хочешь быть таким как я?
тогда слушай и запоминай

каждый мужчина желает знать
где его деньги
деньги-ботва

зазеркалье

вышел один не с той стороны трамвая
эта зеркальная улица выворачивает наружу не только
юношеские идеалы
но и кожу, например
жуткое зрелище
так и фотографировать можно наоборот
только не всем будет ясно – где рот, а где совсем не рот

и вот ты бежишь ко мне
платье небесное и сережки
любуюсь – как ты перелетаешь через бордюры и поребрики
дикие звери рычат вертятся под ногами
я к тебе ты ко мне я к тебе ты ко мне
а удаляемся со скоростью поссорившихся галактик
друг от друга
дура, я же скучал!
а ты все дальше дальше
и звери дикие дальше
и платье небесное дальше
и сережки дальше
и все остальное вместе с тобой
туфли, прическа, радость от встречи

ветра нет
мира нет
спешить некуда
не светофоры, а отражение кошачьих физиономий
сущее зазеркалье только не совсем для детей
там понятнее и нестрашно, а здесь непонятно и куда страшней
зато никто

бомбу не сбросит
имя не спросит
в морду не даст

негры в России

снаружи три градуса тепла
негр ежится в подкладку китайского пуховика
жалко его
жалко даже африканского принца, одетого в лисьи меха
как он спускается по эскалатору
в конце ноября
всех негров в России жалко

зато когда вся средняя полоса
сходит от жаркого солнца и духоты тихонько с ума
рядовой негр думает – хорошо почти как дома
только дома война
а здесь и дышится легко
и белые русские женщины открыли свои телеса
разве что саванна почти пуста
ни одной пальмы, ни одного куста

буду учиться на микробиолога
и вернусь на родину – вылечу сестер от СПИДА
а потом соседей
а потом все деревни в округе
или останусь работать в большой корпорации
буду высылать родителям деньги, чтобы те ели
но меня случайно убили
я не запомнил их лиц
какие-то скинхеды или наци
а я учился здесь в университете
и мечтал стать международным дипломатом
папа мной очень гордился
и ставил в пример моим черным братишкам
а теперь я не стану даже солдатом
и тем более наследным принцем
во время зимней сессии я узнал, что отца убили
всю семью вырезали с ним вместе
во время политического переворота
мне теперь не вернуться обратно

к моей невесте
к моему народу

я работаю на рынке продаю полотенца
мои глаза говорят вам – что знает сердце
я шепчу на них древние молитвы нашего рода
они сэберегут вашу семью от проклятия
желтые как глаза скорпиона
красные как огненные ливни
посмотрите внимательно
может быть, я вам их продавал?

портрет клиента

он улыбается часто
носит смешные рубашки
на вид БО-е, даже слишком
сплошной секонд-хенд
рост то выше, то ниже
сложно прицелиться: очень подвижен

говорит быстро
жестикулирует все все все слова
не останавливается, по-видимому, никогда
на полуслове и полуделе
впрочем, доверчив: многому верит

ведет себя так, будто все умеет
пожалуй, многое даже очень
будто все хочет
и ничего такого не хочет

много гуляет один
сегодня не выспался вроде

потерпи, дорогой
скоро это пройдет
это всегда проходит

Мы

мы живем в разных городах
говорим на одном языке
ходим в джинсе
пишем грамотно
обедаем за 330 рэ
где бы нас ни видели
мы кажемся такими счастливыми
такими независимыми
такими одинокими
нас не пугает будущее не за горами
нас не удивит социальная реклама
свободной любовью
удаленной работой
мы плаваем в специально отведенных местах
раздеваемся у вас на глазах
предаемся радостям
продаемся за деньги
где бы нас ни видели
мы кажемся такими

Юлия Плахотя

* * *

если ветер нам в спину
шоколадом запахнет дальше
верни мне мои волосы
вырванные нервным движеньем

я пересажу их на сердце
чтобы каждый случайный
патологоанатом моими
локонами любовался.

* * *

пока схожу с ума
пока тошно
пока не читаю
пока не ем
пока забываю позвонить
пока лгу
пока ты ничего не замечаешь
как же мне дальше
скрывать свою любовь
в первую очередь от себя...

Тюлений остров

Прохладный ветра язык гладит неба горящее небо.
Все подряд. Все дрейфуют на юг. Все подряд.
И, как березы, стоят по колени в воде небоскребы,
И, распускаясь, их листья во тьме шелестят.

Тик-так стрелка вверх
стрелка вниз
то ли часы то ли еще
какой механизм

Прохладный ветра язык лижет руки, леденит веки.
И, как стрекозы, стрекочут, кто в силах еще стрекотать.
Теперь можно только, как бесконечные реки,
Вытекать. Из груди шелестящей земли. Вытекать.

Тик-так стрелка вверх
стрелка вниз
видишь? – верь –
мы остались совсем одни

Гораздо. Спокойней. Гораздо.
Нас мало, но мы в ластах.

Прохладный ветра язык гонит тел наших глыбы.
Волны. Валы. Гребни. Волны.
На соленой земле теперь достаточно рыбы.
И Полное. Молчание. Полное.

* * *

Не боюсь умирать;
меня там встретят
большие и малые
зверушки,
умершие на моих
лягушачьих руках.

Ногти и волосы
растут после смерти.
Я их укрою
седыми космами.

И самая милая
подойдет как раньше,
поцелует мохнатой щечкой,
ведь меня ждала!
Так заживем

* * *

Ловлю мух в своих снах.
Весь мир под мухой,
Когда она летит выше гор.
На носу мушиные крапинки;
Ты хотел узнать, что весна –
Я нарисовала ее на лице
Синей авторучкой.

* * *

Большой глаз
Сгущаются краски
Собираю взгляд по морщинкам
Кружитесь, кружитесь, ресницы,
Два дня до земли,
А потом – снег.
Я – скелет листопада

* * *

Мертвее листьев
Белее слез
Холоднее неба
Белки и радужки
снега

Радуги-белки
искры
Хитрые рыжие
Пуховой туман
Ух! Ух!
вертиго

Болота и мхи
по утру
Мухи и взмахи
Крыльев и клюва
Седые космы

Губы
под вечер
цвета индиго
Ухмылка
Хитрого рыжего
Хи-хи, говорит,
сожру

Дикие гуси
Махни им рукой
Серолицый мальчик
Сон твой окончен.

Чуть-чуть коченея
Хвоей пальцев
Шевельни в небо
Прощание

Это не больно
Ведь и было пусто
И будет пусто
В бессоннице жизни

Легкий укол
Твоей возлюбленной
Возрожденной из пепла
Анестезии

ЕВГЕНИЯ ЛАПТЕВА

обед молчания

Обед молчания
это суп из крапивы
это бедность
мое голодное детство
витамины
это когда я пишу
пишу и скучаю
это странные письма
а ты –
не отвечаешь
тогда руки и ноги в ожогах
и больше ничего...

Нет,
а я красивая?
когда красно-синяя
грустная
когда едем мимо бесконечного леса:
чем дальше, тем тоскливее...

Ужель до июля прощались?
милый,
не молчи.

* * *

Ему сорок лет
он едет на джипе
мимо цветущих
желтых полей рапса
и слушает Моцарта
в машине
его младшая дочь с тональным лицом спит
она предпочитает rap и R'n'B

Ему сорок лет
он ездит на джипе
позади один развод
и работа в милиции
Когда играет рапсодий
он сосредоточенно смотрит вперед
резко тормозит
открывает окно
матерится на женщину-шофера
закрывает окно
и говорит:
«Юля, ты считаешь это отстоем?»

* * *

Я еду из автобуса в автобус
туда где щекочет ухо пойманная на крючок ракушка
щекочет шею сережка
где море с пеной у рта доказывает, что это вода
где почти что Джеки Чан и Такеши Китано
ныряет в океаны в темных очках
Играет джаз
мы так танцуем
что все остальные курят в затылок
а ночью как сухие цветы
сухой отель
старый и ломкий узор
пчелиные соты
спуск и подъем
против шерсти сезлонги
картофель фри,
пляжные полотенца,
бутоны-зонты,

ненадышанный воздух

надушенный ты.

* * *

Туман глотает поле
темнеет встречная полоса
завяжешь мне шнурки
тепло в ладонь положишь
не скажешь
зачем ты далекое прошлое
лжешь ли
черно-белая рубашка
старые фотографии
монохромная жизнь ткани
и бестелесное тело живущее на бумаге
ангелы разрешите мне все
перекроить
переделать

ТАТЬЯНА ПОПОВА

* * *

открытая станция, осень, метро.
ядовитые яблоки, дождь идет.

закрытые двери, уставшие школьники,
обычный день в уставшем городе.

я как они, я держусь за поручни,
я не буду ждать ни откуда помощи.

вещи больше зрачка, но зрачок вмещает
улицу, тени и рельсы вокзалов.

* * *

звездны звезды и блески блестят,
каждый находит свой звукоряд.

в каждой паре по твари, и вот оно:
чудо, выпрыгнувшее в окно.

два не значит один плюс один,
иногда из трех выживает один.

* * *

Что-то я распыляю себя в этом мартовском воздухе,
Я же вижу, что шарф тебе, ты скрываешься в облаке.

И напрасно ты каешься и неистово смотришь в глаза,
озорно насмехаешься, свой оранжевый шарф тебе.

Эти разных два языка никогда не будут единым,
убиваю в себе двойника, никогда я не буду счастливой.

* * *

нет сегодня и нет вчера,
нет послезавтра и позавчера,
есть ты, помятые джинсы.
утро, две чашки кофе,
покормить кота
и проверить почту.

И знаешь, что?!

я вру, все врут,
в этом, наверное, правда.

* * *

Бог пишет стихи: от осени до зимы.
Беззубые старики открывают рты,
чьи-то пшенично-молочные дети
чертят венчатые узоры, расставляют сети.
Все мы под куполом чьих-то снов,
какие-то эквилибристы в красивых костюмах
с размытыми губами в отсутствие слов.
и вроде бы каждый дышит морозом,
вроде бы каждый виновен пред Богом,
но боимся света и сдохнуть боимся во тьме.

* * *

надо родиться в огромном городе,
миновать все задворки
и, немного став старше, понять:
вся твоя жизнь в апельсиновой корке,
даже если рядом фруктовый сад.

вот и я гуляла по улочкам, мысли сушила,
не брала в расчет, шагая летом в темных
очках, нарезала круги, ела булочки,
спрашивая ни о чем у тех и там.

а дожди проходили мимо все, веки
смыкались почти к утру, и неважно совсем,
что одежда лежала разбросана по полу,
зато проще всего читался Басе.

КОНСТАНТИН КОМАРОВ

* * *

На третьей остановке от тебя
я был с автобуса за безбилетность ссажен
и вышел в мир, бессовестно грубя
всем встречным, ну а ты осталась с Сашей
иль с Колей ли, а черт их разберет:
все на одно лицо и то рябое.
Я сплю и твердо знаю наперед,
что завтра за углом столкнусь с тобою
под серым, кем-то высосанным небом,
лишенным даже оспинки огня,
и извинюсь, а ты пойдешь за хлебом:
без хлеба жить сложнее, чем без меня.

* * *

Смерть. Поцелуй. И кофе с коньяком.
Наверное, в порядке убыванья.
Я помню только неба коленкор.
Я знаю, что кого-то убивали.

Меня. Тебя. Не все ли нам одно:
Без времени и умирать не страшно.
И падать на паласа полотно
Ни на мгновение уже не ставши старше.

И здесь не место логике вещей.
В абсурде смерти человек невинен.
Ну а бессмертны разве лишь Кощей.
И гений. Да и те наполовину.

ОЛЬГА ЯКОВЛЕВА

* * *

Этот желтый фонарь
как светящийся ломоть сыра:
вечерами слетаются птицы
болтать и ужинать,

а земле полусонно,
тесно, темно и сыро
и разбитые стекла
искрятся в ней как жемчужины.

* * *

Есть нити,
которые никогда не порвутся.

Они могут запутаться,
взъерошить себя,
подавиться узлом,

они могут тянуться,
быть короче или длиннее,
тоньше или толще,
с погремушкой на конце,

они могут быть цветными,
белыми или черными,
прозрачными,
острыми,

но никогда не порвутся.

Так сказала женщина в магазине пряжи,
подавая клубок.
Что-то необъяснимое было в ее взгляде,
что-то космическое.

Об этих ли пушистых комочках
мы говорили?

Пепел

Когда сгорают
лица, волосы, прикосновенья,
следы шагов и чувств,
испуганные звуки,
что делать с пеплом,
поглотившим все вокруг?

От дуновенья пыль становится столбом,
частицы пыли проникают внутрь
и точат, точат, точат тело...
как червь древесный
сладкую кору.

Что делать с пеплом?
он не сходит с рук
как чья-то смерть,
как кровь, как слезы,
как чернила.

А помнишь –
раньше и не страшно было,
когда костер рождался
и горел, и пел,
и умирал,
и воздух в горле у него хрипел –
и было не спасти.

Что вырастит теперь
на этом пепле
человек
облепленный
воспоминаньями?

* * *

Слезы не сворачиваются
в клубок,
не создают тепла у ног,
нет,
они поливают тебя во сне,
тебе все кажется – это дождь,
ты улыбаешься

и растешь.

* * *

*«Они все едут и едут,
а нам – полминутки, полсекунды...»
Неизвестная бабушка на переходе.*

Неожиданный дождь
рассыпался
в центре города,
живую трещину неба
некому залатать,
дождь принялись собирать
плечи, ботинки,
рукава, ресницы и бороды –
короче говоря,
все счастливые люди,
оказавшиеся без зонта.

А я бегу к тебе,
мне все остальное неважно,
ударь меня, если хочешь,
а если не хочешь – прижми к груди,
я здесь, я – настоящая,
не электронная, не бумажная,
мне бы только минуту

обнять тебя,
а потом – иди.

Иди, покуда подошвы живы,
беги, покуда не упадешь,
пльви и лети,
ползи,
цепляйся за жизнь,
она тебя тоже держит.
Спасибо тебе за кофе,
за мед осенний,
за этот дождь,
сейчас тебя обниму,
только дотянусь
до твоей одежды...

Да что-то опять не так,
что-то опять прикоснуться нечем,
некогда, не до этого,
столько слов мне наговорил,
что же – спасибо тебе,
спасибо, спасибо,
пока, кузнечик!
Живи, кузнечик,
дыши, кузнечик,
гори, кузнечик,
гори!

А дождь все не унимается,
люди нервы свои заваривают,
протыкают друг друга локтями,
столько локтей, что жизнь не мила.
Прихожу домой –
а тут еще лифт со мной разговаривает.
Вот такие дела, кузнечик.
Такие дела,
такие дела.

АННА ОРЛИЦКАЯ

* * *

дождливые утра высоковольтное небо над головой
в такое время уходят из дома девочки с сумками книг
ведомые смутно-мутной надеждой
найти кого-нибудь невозможно похожего на себя
они уходят не оглядываясь
в нарисованный туман
мечтают жить в вельветовых городах
кутаться в фиолетовый шарф
путаться в несложных словах
небо тишина и люблю

* * *

я вернулась и не знаю кого я теперь люблю
где теперь живу
где мое место
когда и с кем
коридоры поезда сворачиваются сначала спиралью, потом в дугу
в тамбуре накурено, душно, ходят проводники
мешают почувствовать этот мир до конца
тает мороженое на солнце, как тает пространство и время
посреди незнакомой мелодии видишь горную реку
длинный коридор кавказ незнакомая станция шпалы и провода
не ложись на рельсы
не упади на пути
по стрелке не ходи
нарисуй стрелку на север
стрелку переведи

* * *

тебя нет
зачем ты мне
когда есть слезы и шоколад?

* * *

Одиночество
некого разлюбить
некого бросить

* * *

мутные мысли
мутное стекло
тебя не видно сквозь

* * *

закрываю глаза пытаюсь поверить что он это ты
пытаюсь вспомнить твой запах
твой вкус
заставляю себя узнавать в его чертах твои
в его голосе – твой
в его почти-что-любви – твою
настоящую?

* * *

ты прощаешься с очередным городом
сидя на вокзале в ожидании поезда
воспоминания о нем
ты оставишь здесь
между рельсами
и не вернешься за ними
такие случайные встречи
ты обычно забываешь на следующее же утро
а о нем
помнишь уже третьи сутки
оставь свою память здесь
и уезжай
пусть ее заберет
кто-нибудь другой

Берлин – Калининград, август 2008

* * *

новый день подкрадывается к краю подушки
застает нас врасплох
слишком близко
друг к другу
в полумраке комнаты
мутные мысли
похожи на сны
сны похожи на мысли
на осенние листья
которые сносит порывом ветра
в переполненные уже листьями лужи
идет дождь а мы по-прежнему вместе
в этом бездонном осеннем сне
который закончится
когда ты отдернешь шторы
ипустишь в комнату настоящие листья

* * *

эскалатор между таганской радиальной и таганской кольцевой
слишком короткий
хватает
только на половину
поцелуя

* * *

прекрасные страны на том конце провода – таинственные и далекие
цвета морской волны, в тумане и легкой мороси
о них – только воспоминания
поверь, раньше ничего не было
жизнь – складка небытия, ошибка в программе реальности
белая точка на идеально черном листе
типографский брак
царапина на линзе объектива

может быть, что-то еще

* * *

а лето не хочет наступать потому что ты не влюблена
потому что подружилась со своим одиночеством
ты с ним играешь в карты и пьешь коньяк
бездонными зимними вечерами
утро не хочет наступать но уже пора
петь птицам и детям отправляться в школу
ты откладываешь книгу дочитав ее до начала с конца
ждешь прихода рыжеволосой осени
которая – ветреная девочка вечная школьница –
нашла другую подругу
и больше к тебе не вернется

* * *

лучше всего умирать
в чужом городе
где тебя никто не любит и никогда не любил

лучше всего любить
чужого мужчину
даже имени которого ты не помнишь

лучше всего жить
на фоне апельсинового заката
над янтарной рекой
у которой слишком много названий
чтобы запомнить

лучше всего
стоять у окна
ранним осенним утром
встречая мутный рассвет
и не думать
что будет завтра

* * *

тебе холодно от недостатка любви в крови
оттого что ветер не приносит перемен к лучшему
ты идешь а под ногами асфальт асфальт
серый асфальт и ни одной зеленой травинки
тебе холодно потому что на голову капает дождь
и зонт красного цвета тебя не спасает
у тебя в кармане ключи от дома который тебе не родной
а в душе безответная любовь к чужому мужчине
ты заходишь в подъезд нажимаешь ждешь
лифт не едет придется пешком на девятый
ты останешься на лестнице ждать свою любовь
которая приходит домой в половине десятого

* * *

маленькая моя девочка ты бывала такая хорошая
что я до безумия в тебя влюблялась среди этих тускнущих фонарей
что мое сердце билось со звоном падающей хрустальной вазы
а душа как осенний лист уносилась куда-то вдаль
маленькая моя девочка ты бывала такая несчастная
что по утрам даже не разрешала себя целовать
а я места себе не находила в этой ненавистой бетонной коробке
и одна как всегда одна ложилась под утро спать
милая моя девочка если бы ты знала
как невыносимо это одиночество между строк
и когда я иду встречаться с очередным тридцатилетним мужчиной
то всегда вспоминаю твои дрожащие губы и огромные плачущие глаза
без тебя моя девочка в этом мире не бывает света
и приходится экономить жалкие атомы тепла
чтобы обменять их у метро на просроченные проездные билеты
и уехать прочь зная что все что я делала я делала для тебя

АЛЕКСАНДРА БАБУШКИНА

* * *

Пора сжигать черновики,
Пить воду из другой реки;
Горят в заливе маяки
Как на картине.

И не успеешь объяснить,
Как уже с треском рвется нить...
И никого нельзя винить –
Уже отныне...

И марево ночной порой...
Мне страшно, друг, – побудь со мной...
Побудь, пожалуйста, со мной...
На самом деле...

Ведь нет уж сил подать руки,
Тем, что душой так далеки...
Горят в заливе маяки...
Уже сгорели...

И все осталось во вчера...
И вот – уже, и вот – пора...
Пора, пора...
Пора, пора...
Покуда тлеют маяки...
Пора сжигать черновики...

* * *

усталость
задремываешь перед самой станцией
от сырости греясь до боли сжимаешь пальцы
больные стихи больные стихи
нет не истерика

глухое спокойствие
такое словно
помнишь
за секунду до выстрела

усталость зябкая
и станция быстро

слишком быстро

* * *

лето
семечки и арбузы
солнечная набережная тянется бесконечно
руки теплые-теплые
nada te turbe

лето
песни совсем другие
если петь дуэтом прислушиваются вкрадчиво
на пляже раковины
nada te turbe

лето
глаза от яркого солнца прячешь
песок на пляже совсем горячий
набережная тянется бесконечно
nada te turbe

лето
так и бредем и бредем где-то
все летним солнцем и тихим уютom согрето
тревоги отдаляются и тихим тихим ответом
nada te turbe
nada te turbe

* * *

1.
чувство осени
в метро вдруг неожиданно
запах воска
защемит сердце

руки в карманы поглубже
молния режет запястья
в кармане четыре рубля
и серый катышек

и колючий каштан
на счастье

2.
чувство осени
холодной водой по вискам сбегает
зонт закрытый сжимаешь до боли в пальцах
и вместе с водой отчего-то тоска отступает
отпускает

3.
чувство осени
запах прелых листьев и сладкого воска
от неожиданного приступа тоски
темнеет в глазах

и вдруг

кто-то трогает за руку
и отчего-то
становится легче
теплее в сердце

и чувство осени
светлеет

* * *

река впадает в зимнюю спячку
листопадит прямо в кожаные перчатки
желтые и красные и коричневые
и всякие другие цвета

пририсовать бы сюда еще зонтик
да зонтик забылся дома
так и мокнешь

да так и полагается

оступаешься и
поскальзываешься

и летишь башкой об асфальт
не потому что голова закружилась
а потому что пора спать

река впадает в зимнюю спячку
листва осыпается и осыпается
осень начинается
и кончается

СНОМ

* * *

мелкая изморось
немножко похожа на слякотный снег

вчера на перекрестках
люди переходили босиком
сегодня плывут и плывут зонты
и дым табачный и стихи
все плывет

все плывет и немножко кружится
все и все круги по воде
и капли дождя

и только память обоняния
не дает мне грустить по дороге домой

* * *

время по кончикам пальцев
струны и звуки или
что-то такое непередаваемо тонкое
теплое
как дыхание

вечности?

ощущения вместо слов
кончиками пальцев
время-музыка
теплое
как дыхание

твое

* * *

к тому времени как ты вернешься уже наступит ночь
уже наступит завтра и тоже будет темно
темно будет теперь потому что ты опоздал
потому что давно наступит ноябрь и поезда перестанут ходить
и за ненужностью разберут вокзал

к тому времени как ты вернешься уже наступит зима
если ты вернешься зимой будет немного светлей
но город уже разломают по камешку и перенесут куда-то вбок
и не найти ни одной знакомой улицы потому что их переименовывают
потому что даже сами слова станут незнакомы теперь

если ты вернешься весной город будет под слоем воды
это будет вообще не твой город но ты этого не поймешь
ты придешь домой и мимо окна будут проплывать рыбы
всякие щепки и утонувшие зверушки

тебе захочется это нарисовать

и ты обмакнешь кисточку
прямо в форточку
в эту мутную весеннюю воду
и нарисуешь на листе ватмана
как лето наступает в затонувшем городе

как сходит весенняя вода оставляя под жарким солнцем
рыбок всяких мусор и щепки и утонувших зверушек
как собирают вокзал из этого самого мусора
и на стрелки вокзальных часов пойдут чьи-то косточки

и часы будут показывать мертвое время
и поэтому ты опоздаешь
опоздаешь однажды вернуться до темна
и наступит ноябрь
потому что ты опоздал

* * *

время осыпается
осенними листьями
песком золотистым
водой дождевой

вода стекает в лужи
лужи покрываются льдом
наступишь ботинком
хрупнет
песком на зубах

все осыпается

осенними листьями
и не удержать
в руках

* * *

встретиться взглядом в переполненном вагоне метро
весь день вспоминать
вспоминать откуда знакомы черты

школа университет друзья дни рождения
уроки рисования музыки танцев вождения
не вспоминается не улавливается
теряется в шуме метро

а на улице ветер приносит дыхание весны
и я вспоминаю сны конечно это были сны
сны или мечты

встретиться взглядом в переполненном вагоне метро
смотреть в глаза пристально до самой станции
осторожно двери закрываются
встречи не повторяются

были сны это или были мечты
или просто ты

двери закрываются осторожно
и поезд ныряет в очередной тоннель

СВЕТА СДВИГ

* * *

мы были пираты
полтора корабля старик и дети
в балконных комнатах нашли перья
каменя в шкафчиках темного дерева
барзат на стекле стола забытый
лорнет по другую сторону стены улыбается
они же не взяли мой жевчуг в волосы за следующей
дверцей парик и белая голубая фиолетовая нити
кажется мы берем не дорогое, а красивое
украшения пудру ленты этого злого мужчины
я помню и знаю его
еще в этом сне был тот парень из сериала
чейз я влюбилась в него потому что
наяву было нельзя

* * *

грустно такие неидеальные друг на друга
пить пропустить капельку и рукой
говорят россия ничего самара ничего
москва как будто вообще молчали
петербург ага екатеринбург ого
по утрам сайты находок
типа ffffound и itsnicethat говорят
сколько еще всего пересказываем
кто что нашел где посмотреть
между сиренью и американским кленом
около которых не во что было играть
под ямкой за стеклом землей клад
найденные детали истертые в золото стекло
юля и я откапывали его уже вполне девушками
мы не остались довольны

* * *

саша говорит
между пальцев в чашку
кружится сухая вишенка
саша рассказывает о бабушке
кружок на стекле шагаешь в сторону
шлагбаум опускается
саша старательно проговаривает
клиника неврозов
после грозы снова становится жарко
мелодия piano с вокалом и reggae version
сoca-cola в новой бутылке
саша переспрашивает

* * *

что меня так удивило она одета девочка
он очень серьезен они прощаются
зябка под шарфом третий день думаю
про тебя и снег тебя снег
добираешься в электрической колбе
рядом водитель в майке скрытого полицейского
держит за руку свою пассажирку
мы не делаем остановок
конец августа съедает первое сентября
новости неинтересны но можно
максимально часто говорить война
в салоне + 31

* * *

ставлю стакан воды
полуоткрыв рот как веерами отмахиваясь
у пинг-понгового стола переступают
грузинская и слева украинская принцессы
каждый удар как два шага на их каблуках
города звучат серьезней стран
стыд история идущий от шеи к пальцам свет

рассказывают танцуют перегибаются над столом
в зале заседаний говорят
они скоро вступят в нато
яна отвечает точно и резко
духота холод головокружение
шорена протягивает руку
она берет воду

* * *

два парня лет двадцати
вытоптали на снегу
кира паша
тонкая девушка
покачнулась и уронила поднос
роберт израилевич перелистнул
страницу книги
всплеск голубиных крыльев
сторож перезарядил ружье
беззубо улыбнулся
выброси руку вперед и
не оборачивайся

* * *

это странно тем не менее
один ритм тебе 16
17 сувениры не ты
тебе 15 никто пожалуй
знает вовремя
брось книги с горы
абонементный номер
уважение по букве друзей
стоит не стоит
белые локоны slow motion
kopечno drug
212 ступеней ты здесь
12 лет назад мы
были такими же

* * *

да мне не хочется отказаться в один момент
это чтобы было куда отступить
ни снять ни надеть
тыча в вазу сказать: это я
не лампа не яблоко не трубка это
почему ты просыпаешься
потрепать по волосам
тебя и вроде себя
фраза на русском языке teddy bear
и все лапки двигаются
это вереница назывных предложений
невозможно отвязаться
от права проговаривать что
все такие же красивые
все такие же
они никогда не держатся за руки
как никто не ест просто так
то есть почти всегда
не тот не другой то есть любой
заданный из двух одинаковых букв
за зеркалом запомненное мной
а перед пыльным с разводами стеклом
к кому обращаются моим именем
автоматическая дверь впустили и
на тебе нельзя ничего прочитав
знать как историю одинаковые женские имена
лена и аня
катя и ира и юля
наташа и тая
ольга вышла замуж и родила ребенка
оля не хочет никогда детей
ольга это моя самая красивая мама
оленька мне больше не позвонила
зачем кому-то рассказывать
это глухая дверь хотя нам кажется
что за ней

* * *

от сейчас
до вчерашнего такого же вечера
4 туда-обратно звонка
заваленный между домами лес
гора с плеч
это моя спина и
все чем можно гордиться
из заднего окна троллейбуса
удаляющаяся башня сквозные капли
точные грязные сетчатки мне
хочется испытать какие-то
непомерно крутые чувства
между мракобесием и усталостью
подбираю самый наивный
повод не ехать не платить
камушек и рифму не заходить
протопченный от через в
все какая-то изгородь обхожу
гнусь прижимая плечи
на одну застегнутую пуговицу
между вчера смотрели кино
и я абсолютно счастлива
пара сопливых переходов
pas de grace
если рука привязана к ноге
и кувыркаешься
в своем стремлении тихо быть
дрянное оправдание
и вышагиваешь
в спутавшихся стропах

* * *

металл стучит как дерево
если прижать к руке
кожа мертва жива мертва в ладони

* * *

не прекращая разговаривать
сравнивая одного москвича с другим
куйбышева кофе нет сигарет нет денег есть десятка
в тольятти все тольятти весь чистый
весь чистый и с фонарями
там все друг друга любят
любят деньги любят маму
любят автоваз
любят кошек
даже заказные убийцы любят кошек
деньги любят дороги
дороги любят автоваз
мама любит кота
переживает за автоваз
и не надо было кофе надо было курить
курить по дороге не засиживаясь
я люблю улицу куйбышева
всегда вожу по ней москвичей
она как невский только маленькая
так что нечего бояться
а то люблю гулять
дорогой ты родился в таком страшном месте
хорошо что ты переехал

* * *

встреченные красивые улицы линии провода
все эти шоколадные дети
уже давно или все равно
лучшая игра несколько десятков людей
возраста цвета имен с утра
и черт побери мы вместе
минеральной воды три тысячи
пузырьков по бокам
двенадцать неизвестных исполнителей
titel eins titel zwei

АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА

письма

1.
прошло два дня
календарь скрипит колодезным колесом
теперь здесь радиоиней и белый шум
первая темнота опускается на колени, крутит ручку приемника,
делает нас с тобой тише
книги и письма остаются у нее меж пальцев
к счастью, в них не пишут о том, куда ведут вывески, которые нельзя
прочесть
кого убьют наши лохматые боеголовки
откуда берется твое доверие
не говорят, что пространство между двумя параллельными –
не пространство,
а расстояние

*(далее нрзб, прочерк, магазинный чек, сигаретный окурок, 21.15
если бы я тебя так не любила, то рассказала бы обо всех ошибках,
от которых никуда не деться, аминь)*

по мерзлому тротуару мимо проходят два дня
до краев молоком заливает их маленькие следы.
девочка девочке лист бумаги. белая простыня.
смит или вессон в чужих руках,
по привычке превращающихся в цветы.

2.
зайди к ним – у них там азия, пахнущая травой
внутренняя монголия, степь поперек ладони
в детской горсти янтарь, наполненный кислотой.
темнеет быстро, и быстро тают следы погони

прошел еще месяц, но вместо крови идет слюда
поднимаясь со дна, медленно застывает.

те, кто уходят, когда-то вернуться сюда
из своей поднебесной, из солнечного китая

3.
на таможне нас не задержат
все проверят, отберут паспорт, посветят рентгеном
найдут вместо сердца маленького марселя марсо
он стучит в прозрачные стенки
одноразовыми бумажными руками
все слышит, только говорить не умеет.

пустые супермаркеты пустые школы
двери, по которым расползаются следы от пуль насекомой сыпью
решетки равнодушного света
а если залезть на крышу, можно увидеть
то самое лето

* * *

волоком шепотом свежескошенным молоком
утром солнечным шилом между слоями дымчатого стекла
просыпаться утром, вымершим в перепутанные тела
временем, выброшенным в часы
висящие под потолком

на стрелках часов вырастают гроздь людей,
ладони на поручнях, отражения у дверей
вещи падают на эскалаторы, выступают росой на рельсах, на
корешках метро

время несло чужое
несло свое
заканчивалось, как зло, как утро,
как перечеркнутый знаменатель, опрокинутый на ребро
умножалась тяжесть на нежность
море большого города
смыкало золото
и серебро

здравствуйте, хорошие вещи, виноватые радости,
пришедшие просто так
бывает малое время, сомкнутое в камешек или в кулак
и большое время, лежащее вокруг него золотым кольцом
рука проливает песок, засыпает часы песком

каждое утро мы засыпаем, лежа на самом дне
море встает и уходит
под ним остается камень
спящий на камне спиной к спине

звери

вырастить каблуки надевать мокрые платья отжимать их одним
движением
говорить императивами отвечать на вопросы заданные кому-то
другому

носить паспорт таблетки кошелек окурки меж ребер
предъявлять по первому требованию
засыпать последней как часовой башенный провожатый
двадцать одна башня кремля девятнадцать башен до городского рва
у ворот полторы башенки

откусанные верхушки
стражник шьет на коленке, прихватывает нерв, перекусывает нить,
суставы вертятся веретенцами, розовыми катушками
во рту его сматывается в комья одежда,
вываливается изнутри

башни столбы дорожные вешки
пропущенные поплавки
одноразовые капканы
идти будучи зверь будучи волосы зверя
и шерсть зверя пустой человеческий берег
уровень воды делит надвое на два одинаковых тела
сделай мне звериного сына ребенка сделай меня смелой

* * *

золотые первопроходцы вдоль берегов не плыли,
тяжелые руки бросив с запада на восток
в джунглях едва рожденных, выдуманных из пыли,
или в горах потухших, не чуя разбитых ног

наброски времени в красных грециях обещаний,
в индиях глаз усталых и в вавилонях плеч
шатаясь у края света, но не доходя до края –
перешагнула кромку слишком прямая речь

кто-то же должен первый придумать всему начало.
странником, темным лавром, безбрежным морем смотреть и ждать,
пока две руки немые, собой заслонив светило,
не смогут обнять все, что знают. и не упадут опять

АНТОН БУЛАНКОВ

* * *

в глотке арматурой немота топорщится
не прокричаться на ту сторону химической реакции
заплесневевшие люди скальпелями режут друг друга
от боли корчась
жри крошенный бетон, сука, если хочешь остаться
ах давайте устроим коллективные распятия
в веселых играх терзая друг друга
хочешь ты будешь у крестов матерью?
а вон того неудачника назначим иудой
и невыкричавшийся я под ногами валяться буду
истекая гноем, душой и рвотой
прося тепла как банкрот просит в банке ссуду
а мне опять предложат сыграть на нервах реквием
но не выдадут ноты
и пускай диафрагмы зрачков узятся
увозится пусть строительный мусор надежды
я губами-каплями дождя исцелованный
приду к тебе такой ненужный и нежный
и вязальными спицами мои проткнутые запястья
– не стигматы, нет, что вы, так – бытовая травма
будут сочиться золотом
и в шкафу плотяном отыщется какая-нибудь высшая правда
мы будем пить чай с нелепым тортиком
под лампочкой горячей в половину накала
и время наконец-то задохнется и кончится
и можно будет все начинать с начала.

* * *

бейсболка больше мне к лицу чем нимб
и шарф куда теплей петли на шее
я словно кофе быстрорастворим
дышу. в пространстве. через время. но без цели

и одиночество надежнее друзей
и слаще первый снег чем сахар
я бесполезен словно краеведческий музей
в котором экспонатов кот наплакал

и каждое предательство простив
опустошенный до последнего предела
я словно старый негатив
забыт в альбоме собственного тела

ЕКАТЕРИНА МАЛОВА

* * *

Мне сказали
что я глупа
я сделала вид
что не услышала
а сама
подумала
что года через три
защиту кандидатскую
или совершу какое-нибудь
парадоксальное открытие
и напишу об этом кучу статей
Вот тогда
и посмотрим

Мне сказали
что я страшна
я сделала вид
что не заметила
а сама
подумала
а это вы меня еще
в гневе не видели
а месяца через два
я приучусь не сутулиться
подстригу волосы по-человечески
встану на высокие каблуки
и особенно удачно
начну красить глаза
Вот тогда
и посмотрим

Мне сказали
что я умна
и красива

я смутилась
сказала спасибо
И ничего
не почувствовала

* * *

В нагрудном кармашке
Моей рубашки
Лежат рукавички
И спички!
только не бывает таких рубашек
чтоб в кармашек
поместились
и рукавички
и спички
а у меня даже перчаток нет
и прикуриваю от зажигалки.
а жалко.

ГРИГОРИЙ ГЕЛЮТА

* * *

Говорю с тобой;
говорю тебе –
меловые крестики у твоих дверей, болотные огни за твоей спиной –
это не я,
но я мог бы так же –
жить в комнате с окнами на восток,
север, запад, юг – на тебе свет сошелся
и переломился – так, что глазам больно,
а мне – пусто
было,
а стало –
просто
говорю, а ты не слышишь,
и должно бы стать страшно,
но все, отчего-то, иначе.

* * *

Редкая рыба доплывает до середины Днепра,
Попадает на крючок,
Трепыхается, поднимает брызги,
А рыбак успокаивает:
Что ты, дурачок,
Это всего лишь игра.
И спокойную, сонную,
Редкую рыбу несут домой,
Солят, жарят, варят,
Едят еще целый год.
Рыба спит,
Видит вечный сон про не-сон,
Про любовь;
Настолько редкая,
Что этого не сознает.

* * *

И вавилоняне смотрели вверх и видели толщу воды,
И золотые сети,
И радужноперых рыб,
А еще – мертвые лица, взирающие на них с непонятной им высоты
Сквозь желтый смог, табачный дым, винно-водочные пары.
И они зрели,
Как на ветках зреют плоды
И говорящие кошки бродили по ветвям их пока что голодных глаз;
И в день оный узрели башню,
Низводимую сверху вниз
И пали в ужасе ниц, на горячий наст.
Так и я смотрю – как ты идешь по своим делам,
Вижу как тебя нет,
Размышляю о том, как ты есть,
Какие курила бы сигареты, если бы ты была;
Знаю, как будешь,
Если
Все равно
Окажешься здесь.

* * *

Не важно, чьим голосом ты говоришь,
не имеет значения, что ты можешь сказать –
в твоём кулачке зажат ветер,
в глазах –
тишь
гладь,
касайся, – не важно чего –
лист бумаги, кафель, одеяло – все под твоими пальцами – мои ладони;
а все мои слова – монолог с тобой:
не забыть все рассказать, пока небо еще черно
ничто
тебя не увидит
не тронет.

* * *

Серебро и золото превращаются в киноварь –
Такова алхимия твоих тонких рук;
Такова алхимия мертвых рек –
Золотая слюда,
Неживой янтарь на ладони берега –
Высохший рыбий труп,
Ранний снег
На ладони твоей –
Белый чай,
Возвращается в небо,
Твоих достигая губ,
Киноварь обращается в пыль.
Опять ничья
Поднебесная спит
Твои прошлогодние сны –
Что ты видишь сейчас –
Это мы,
Это желтые
Желтые
Реки,
Прозрачный янтарь.

* * *

Ты ничего не говоришь –
Тебя, скорее всего, нет вообще;
Кстати, я в тебе не нуждаюсь совсем, как и во множестве прочих
вещей;
Кстати, я даже не помню как тебя зовут,
Мне самодостаточно и хорошо;
Мир стоит на месте, знаешь –
Поэтому никто
Никуда
Не ушел.

* * *

я всегда говорил –
серпентины, кошачьи глаза, лисьи хвосты –
нечто вроде клинописи
тайного языка
отметин
жемчужных зубчиков
на коже.
так чужие узнают своих –
по запахам,
позам
забытых книжек,
междустрочной каллиграфии,
закладке
красной ленточке у виска;
видишь теперь –
все эти
хитросплетенные
узелковые письма,
многовековая никому не известная история,
фолианты, шепчущиеся по ночам на полках –
все это создано лишь для того
чтобы такие как мы
говорили друг другу
здравствуй
будто
ничего не случилось

* * *

молоко становится горьким, в нем проступают черты
лица,
приступают к трапезе, переводят продукты в им одним понятные
фразы;
звук начинает мерцать;
натываясь на спицу – падает. встает. не сразу.
и эти кибитки, ветер, колеса,

пресловутая перемена мест –
вздернутое на ветру лыко-мочало.
я буду говорить – с тобой – рыбак рыбака не выдаст, не съест, глаз
не выключает.

беззащитного цвета небо над моими речами –
в сливочных облаках прячет лицо, содержимое карманов, всякую
шелуху –

имеет смысл попробовать снова
переменить место, подобраться поближе к тебе,
хотя бы на расстояние
вытянутого
слова.

* * *

Кинематографический человек
Удивляется
Не понимает,
Как же эти люди живут,
Растягивая полтора часа
Дешевой мелодрамы,
Низкопробной комедии,
Или две минуты
Рекламного ролика
На целую жизнь.

* * *

Тонкая механика
небесного тела, серебряных ниточек, дрожания ресниц,
прочих пророческих знаков –
ни одной книги про тебя,
твой передел;
поднимаюсь к солнцу на тонких листах бумаги,
заглядываю за край земли,
гладжу небесную твердь (ладонь исцарапана, грубая кладка) –
и на пыльной обочине
высчитываю смерть и дальнейший путь по отражениям в глазах твоих.

каждый мой шаг
определяется
поворотом серебряной шестерни
на твоём запястье –
звон ее
смехом остается в ушах.

* * *

скотопромышленники
собирают чемоданы,
затягивают галстуки –
маленькие перегонки муравья с черепахой –
проигравший напишет первым, уедет надолго, вернется живым и
здоровым

к восточному берегу
прибило обломки –
лоскутки, гнилые деревяшки,
полосатые стекляшки, разноцветные ракушки
думают –
надо собраться,
взять себя в руки,
сказать –
Я
волны пенятся, шуршат, шепчут –
тебя
тебя
подсказывают.

ЕЛИЗАВЕТА КАЛИНИНА

* * *

теряешь плоть
напиваешься северными ветрами

наблюдаешь стеклянных птиц
в осенней оконной раме
думаешь о золотом храме
пишешь о золотом храме

мы играли и ты
кажется
меня убил
давай не скажем об этом маме

* * *

небо вкуса меда и малины
разговоры мачтовых сосен
я долго тебя о чем-то просил, потом перестал
даже, кажется, бросил
теперь у меня руки и ноги из глины

как пса, проводят мордой по грязи
и больно бьют
(глаза навькат)
как дом *(конечно, не родной)*
где по полу сквозит
как первый вздох последний выпад
передо мной не лебези
на глупость, но – имею право
и не заправлена кровать и эта желтая трава
нам всем – отравы
и девочка – нетленна

нежива

* * *

мы не можем читать одни и те же книги
спускаться в одну ветку метро
расстояния между нами – километры лиги
если у тебя ведро, у меня – ведро

твоя смерть –
мокрый до черноты асфальт
горячий запах канифоли
расстроенный альт
не дождавшийся весны скальд
ни во что не верить
уличная круго-верть
– твоя смерть

у тебя над ухом надрывается
скорая
ничем не сможет помочь
мальчик бежит, доска кончается

медленно начинается ночь

* * *

да на что мне твоя душа мальчик
это все игрушки
прах

звонит в руках бусины деревянные кисточки на ушах

Голосовая почта

А вот пришли мне свой голос.
Я его хранить буду за пазухой,
как золотистый кленовый колос,
кормить буду, как кота, ухой,
твой искрящийся, тихий голос.

* * *

Когда до обязательных теплых слов при встрече –
пять веков обратного развития,
вития нити на бледном запястье –
начинаешь понимать, мое небесная красавица,
что такое – тихое счастье.
Колокольная безъязычность поднимается птицей
из ветреной области центра души.

* * *

тебя нельзя принимать ни в себя ни в серьез
ты – морская вода в синей бутылке посередине гоби или сахара
в прошлой жизни, говорят, пускал поезда под откос

потом поняла – твой дед никогда не погибал под самарой
а ты – ты просто вышел из тени одного залива чтобы потом попасть
в другой

готова признать

никогда не была
с тобой

* * *

Сведущий в увологии ясноокий эфеб:
смущенной эфой тянется к
теплому рыжему уху; красуется,
эротично и эрратически изгибаясь
фоном для ванного пара,
винной дымкой перед пьянеющей с такой наглости улицей;
в-зеркально созданию и, по совместительству, коту
вплетает: в хвост – молодые (дубовые!) ветки,
в волосы – ломкие соломенные вольности;
лорд всей нашей волости, бродит, призрачно смеется в доверчивые
окна,
в распахнутые плечи, в разведенные руки,

в взведенные курки; в белеющие печи
пораженные окурки мычат – при виде его сурьмленных гарью бровей;
ночной суховей, носом взрывая пыль, прячет в степи ковыль
(чтоб не достался кобылам, – угольным, фиолетовым под свинцовым);
словно с живого скован, пляшет на проводах;
пишет о небесах, трамонтаной встукиваясь в зеленоватую воду, что
в-место
мостовой вдули Город.

Но мой аниматропизм к нему основан и на этом:
анизотропное шоссе, сосны, сосны в солнечном,
вечернее чаепитие, 18(9)12-ый год, однажды, помню, раннеутреннее
отплытие,
и палуба скрипела, и глаза, глаза как бездонное море –
братья стояли у самого края
и твердо знали, что все – будет,
даже не в каюте (держались за руки),
не за калиткой возможного рая, а по обоюдном прибытии в,
старенький ковер с: отпечатком теплой спины и остывшего травяного
заалхимичивания,
золотыми пылинками на фоне рыжей стены вне комнаты.
Хочется подойти однажды близко-близко
и шепнуть (внутренне-голосно): «Ты...», –
и смотреть, как Лис улыбается.

ЕВГЕНИЯ СУСЛОВА

Статика электричества: Дерево

*на этом месте
могло бы
вырасти
ваше
дерево*

Листья

средне-статичный север окунает лопасти в кипящую влагу
в кровь как окислившуюся ложечку в сгущенное молоко
флаги используют лишь для того чтобы укрываться от урагана
кто разматывает твое шершавое волокно
кто плачет будто бы внезапно роняет из рук корзину с яблоками
и выгорает под чужой глазной линзой
хлопчатобумажное полотно
люди толкаются думают выйдет толк а выходит дух
внешняя загорелая корочка пуля дорогой билет в планетарий
человек целлофан прозрачный пакет плохая цензура
теперь пропускает безнаказанно к тому же и воду
дни пошатываются у фотографической камеры
пошатываются потом перешептываются
гласные согласными перекрываются как шахматы
как прогноз «будет очень жарко» в катастрофическую погоду
свой закат – чужеродный турникету гнутый жетон
лотосы вянут и отрываются не от земли а прямо от пяток
дождь – задаток слез после стольких дней
уже разделенных любовью на от и до –
спускается с потолка потом
уходят в огромный ажурный чулок
седина единица льда
ниточкой швейной спускается в твой пищевод

Ветки

в зимний сезон отключают
в целях экономии смерти
земные тени
неземные протуберанцы
в зимний сезон души переливаются по батареям
смотришь теперь в зеркало как раньше назад на пол
спрашиваешь себя как иностранца
на родном кукушечьем языке сколько времени
слышишь
ветер лает то что собака носит носит
дождь это такие глазные капли что водят за нос
если не помогут то ставит капельницу
русскую рулетку заряжает на целый день
поле зренья залито до консистенции болота
среда обитания внутреннего человека страдает
приходится ждать понедельника обитанья
или его воскресенья
звук начинается там
где заканчивается зевота и рвота
часовые стрелки объявляют
большую охоту

Корни

клеточки кожи – заполняй буквами – узнавай новое
вкус сам ластится к языку незнакомому
пенился воздух оттого что из рук выскакивают перелетные
к туманному югу компасом северным маткой
опережают свой размах крыльев в мыслях отстают от стены как обои
ножки стула выдавливают трафарет пустоты куда можно плакать
яичную скорлупу и детей возрастом в один живот и руку
круги расходятся перед глазами как больные ноги и уходят в слякоть
круги друг с другом разводятся как родители по ранней детской воде
дверь служит теперь подобием несъедобного шоколада
береги свой рот видишь голос повис что монетка не доброшенная
до моря
и зубы кровоточат как примета надвигающегося распада

Огонь

что касается выключателя выключает только себя*
выдувает из человека стеклянные /игральные/ кости
письмо /автоматически/ разливается чернилами стекает на пол
кровотечение /воздуха/ зимой выкидыш из/-за/ него /насекомых/
так что глотаешь бисер вместо /пшена/ стеклярус вместо /риса/ рот
/убит/ подо ржавым /кодовым/ судачит под замком
слезы выглядят заполнением пусто/ты/ но /они/ полости и это слишком
я могу с тобой /полностью только в полночь/
/когда пища жидкость/ и прочее /вишня вишня/
расцветает садами /обратно/ во чреве как было раньше
/занавески/ нельзя взволновать только силою воли раздвинуть
/хочешь/ ищи ищи в черноземах пятки когда лежишь на попятной
простыни в пленке коробки висят снаружи /коляски/
разбросанные
по полю /мои/ солдатские башмаки
я люблю и не знаю где начинают/ся зубы/
а где заканчивают/ся леденцы/

// – спички

* – искра

Маяк Обратно

...белее белого беленья...

Иван Жданов

* * *

яблоко
можно разбить
только с расстоянья
реки

вся вылетевшая
длина
сединай на лицо
садится

он смотрит

в профиль

и видит

одни

границы

поворачивается

ко мне

своим безграничным

лицом

рассуждает

о чуде

через корень

ее

птицы

полета

не знает индийского

слова

думает

слушал ничего

не понял

* * *

и с ее горбатым клювом
утирать птицам холодные
носы

вирджиния
светорыбалка на скорость

этикетные формы тоски по дому

доски так хороши
стулья

что не хочется
закрывать рот

забывать двери
оставлять фирса

но длительные
перелеты

* * *

разговоры
сломанная мякоть лимона
ошибки
на ветках окна

люди дуют на воздух
в ожиданье пожара
бросают селения речи
сгибают шеи

дураки
проворонили
почерневшее
дерево
лечат вывих тепла

минуты
вырывают
с корнем

друг друга

время
на каждом шагу
становится
все
человечнее

а ты
приходи ко мне
мертвый
и молодой

* * *

нищий камень
жует

не понимает
почему
перелистывают

другая страница

нерадивая дочка
семечками устилает
кровати
как в самом своем деле
чужая

делает из
птицы
скворечник

твой отец
мой отец
простудился

от этого
верю
все

неприятности

* * *

железные крови
лед треснул в лесу от черноты мороза
отправляйся домой

отпечатки спины
твоей в воздухе
встречная полоса на языке
смахнул крылом незанявшуюся
занозу

война не по правилам раскола совести
что делать

мир стоит пустой как дом
годовалый берег
зимы и
молочного
горла

молитва о человеке
начинается и кончается
единицами
сопротивления

так причиняешь
радость
что эхо

выкрикивает

вперед

124

АНДРЕЙ МОЛЬ

механическое сердце

пока она была дома,
исправно работали все приборы
деловито гудел холодильник
плотоядно шипели газовые конфорки
чайник приветливо верещал
лампочки зажигались сами собою
когда она ночью на ощупь
шла на кухню по коридору
будто ее присутствие
было главной деталью во всех вещах

если с утра уходила и к вечеру не появлялась –
уезжала в командировку, в гости к родителям –
что-нибудь непременно лопалось, разбивалось
в телефонной трубке что-то трещало
искрили электросети
звонок на входной двери заходилась кашлем и хрипом
все работало через силу, нехотя и со скрипом
всем своим поведением и неопрятным видом
напоминая мне, что ее здесь нет

я сидел в полумраке, давился холодным чаем
даже не в силах настроить себе интернет
(как ей, наверное, тяжело
было жить с таким криворуким типом)

когда дела совсем мрачный характер приобретали –
у соседей сверху труба отопления протекала,
мерзкие желтые капли падали с потолка –
вечером поздним она домой возвращалась,
что-то само собой настраивалось, включалось,
остальное же исцеляла ее заботливая рука

125

и вот теперь, когда ее нет – со мною, в принципе и вообще,
что-то внутри
похоже, выходит из строя
важной детали, видимо, не хватает
той же, что у моих вещей

лифт в моем доме вчера опять поломался
с первого на девятый придется идти пешком
я повторяю, покрываясь холодным потом:
«механическое сердце, не останавливайся
металлическое сердце, не останавливайся
мое новое бошевское сердце, не останавливайся,
работай,
работай,
работай»

сглатываю подступающий к горлу тяжелый ком

* * *

в утробе ночи
на коммунальной кухне
в Питере, где-то на Суворовском проспекте
время не может отдышаться и пухнет
в ожидании клинической смерти
ядовитый снег, эсхатологическая погода
мы наблюдаем календарный конец
двадцатого века и двухтысячного года
в утробе ночи
на коммунальной кухне
я – и электрический поэт Саша Герц

кухня напоминает логово тролля
гигантская плита прямо посередине
и все остальные предметы увеличиваются в размере
мы в противоположных углах поставили стулья
мы ничего не пьем, мы ничего не едим
мы обуздываем мысли, управляем нервами

его рука движется плавно и безошибочно как тонарм
мои руки повисают безвольно как плети
в кастрюле на плите
мы варим кухнар
последний кухнар двадцатого столетия
монотонно поет в кастрюле густая смесь
и ветер в щелях подвывает выше в малую терцию
неподвижно танцуем
неотступно следим процесс
мы – с электрическим поэтом Сашей Герцем

тринадцать спящих человек
в семи закрытых комнатах
на трех уровнях квартиры в этом старом доме
магия этих чисел – лишний повод вспомнить
при чем ты здесь присутствуешь, если ты, конечно, понял

никто не выйдет на кухню этой ночью
в полной тишине, передвигаясь незримо
электрический поэт покажет мне мое прошлое
спит девяностые годы из сигаретного дыма

все очень зыбко, и только на долю секунды
картина видна целиком
дальше все уносится сквозняком
но этого мига достаточно, я теперь знаю
судьба отыгралась на ком
за эти-то десять промозглых лет
душа выщербилась, стала совсем сырая
девяностые вышли, их больше нет
и понятно что нас обманули
апокалипсис отменяется
не будет не то что бескрайнего вечного ада
не будет
даже банального рая
рая похожего на больницу похожего на дурдом
где мы все хотели слегка отлежаться и подлечиться, мечтали о том
но нас наебали

нас обмануло время
зато у нас появилась зрелость и власть
над самими собой
она же тяжкое бремя
теперь ты сам ответственен за любой
свой программный сбой
и вынужден сам решать сколько грызла класть
никто не будет в новой эпохе следить за тобой
заставлять тебя жить или умирать

так возьми это знание, поступи с ним как дух велит
разломи его надвое, как кусок хлеба, с ближним его дели
падай в будущее как в яму, иди в него, как в широкий и темный створ
и как раз уже пить пора
пока не остыл раствор

рассвет еще не просыпался, луны уже пожухли
и я четко слышу биение двух сердец
в утробе ночи
на коммунальной кухне
я – и электрический поэт Саша Герц

* * *

человек
как две капли воды похожий на Нила Янга
выбирает замороженные полуфабрикаты
в универсаме «Копейка» на Кировоградской

пожилая женщина
с лицом как у Марианны Фэйсфул
спит на скамейке на Покровском бульваре,
укрывшись засаленным пальто

долговязого юношу
похожего на Боя Джорджа
вокалиста группы Culture Club
жестоко избивает кучка бритых подростков

во дворах близ метро Царицыно

поздним вечером
на Большой Лубянке
милиционеры находят пять грамм героина
в кармане кожаной куртки стареющего модника
поразительно похожего на Брайана Ферри

мальчик в замызганной серой толстовке
с грязно-желтыми волосами и двухнедельной щетиной
ну точь-в-точь Курт Кобейн в лучшие годы
блует в дымящуюся урну
на автобусной остановке на Бабушкинской
в восемь часов утра

старый еврей
внешне – вылитый Боб Дилан
стоя у ларька с хлебобулочными изделиями возле метро Смоленская
пересчитывает мелочь в заскорузлой ладони
хватит или не хватит на ржаную лепешку

пили со школьными друзьями
доебались чертановские
сняли бомбер
отняли кошелек и мобилу
разбили лицо

проснувшись пасмурным утром
с тяжелого похмелья
в однокомнатной квартире на Севастопольской
смутно припомнив события вчерашнего вечера
Эдди Веддер написал свои самые безысходные песни

ВОПРОС ПОНЯТИЙ

Беглый взгляд на круглый стол

Безраздельно царящее в светлых головах участников Первого московского фестиваля университетской поэзии вольное творчество было просто обязано укрепиться некоей теоретической базой высокоинтеллектуальных рассуждений признанных мастеров и именитых знатоков современного стихосложения. Таковы правила игры любого подобного мероприятия, отступить от которых не просто невежливо, но даже и как-то бессмысленно. Прошедший фестиваль настолько стремился соответствовать в лучшем значении этого слова своим «взрослым» аналогам, что не стал исключением из принятых правил, открыв собственную программу круглым столом на тему «Современная поэзия в университетском пространстве» в Профессорской аудитории РГГУ 25 октября 2008 года. В нем приняли участие видный исследователь современной русской литературы профессор Юрий Орлицкий, критик и поэт Данила Давыдов, ответственный секретарь молодежной литературной премии «Дебют» Виталий Пуханов, филолог Георгий Векшин, известный самарский литератор Александр Уланов, культуртрегер и поэт нижегородец Евгений Процин, а также представители знаменитой в столичных интеллектуальных кругах группы «Культурная инициатива» Юрий Цветков и Данил Файзов.

Одно только бесхитрое перечисление списка участников уже указывает на определенно удачную попытку «всероссийскости» не только фактического материала представленных на фестивале поэтических текстов, что, раз вы держите в руках эту книгу, к настоящему моменту не вызывает никаких сомнений, но и той самой неотъемлемой теоретической базы, сопровождающей демонстрацию итогов творческой деятельности молодых поэтов. Как-никак, оказался задействован далеко не только московский интеллектуальный потенциал – это раз. Во-вторых, – и это следует признать несомненной заслугой организаторов – дискуссия оказалась подкреплена такими «тяжеловесами» литературного, не побоюсь этого слова, истеблишмента, как поэт и литературный критик Давыдов, доктор филологических наук Орлицкий и «дебютовец» Пуханов (в результате чего мероприятие оказывается мгновенно окутано аурой парящих вот уже где-то поблизости столь вожеленных для любого юного автора «птичек»). Ну и наконец, широкий спектр творческой деятельности

приглашенных на круглый стол гостей позволил сделать разговор действительно интересным для собравшихся из разных уголков нашей страны слушателей, а это, как минимум, немаловажно.

А говорили действительно немало. Сама формулировка изначально заявленной темы инициировала немедленное возникновение спора о понятиях, предопределившего направление дальнейшего развития дискуссии, тем не менее, не выходящей за рамки поля очерченной проблематики. С другой стороны, такой предполагавшийся к рассмотрению немаловажный вопрос как «о чем писать? как писать? зачем писать?», из разряда неизменной рефлексии любого молодого автора, так и не оказался затронут увлеченными разбором понятийных деталей мэтрами. Однако подобный итог мне кажется достаточно закономерным, если не сказать справедливым – с этими вопросами каждый пробующий силы на литературном поприще и сам разобраться в состоянии, как это делали все его предшественники на протяжении уже многих столетий, иначе зачем было вообще начинать-то? А от помощи юным поэтам в поисках выхода из указанных выше потенциальных душевных перипетий участников круглого стола отвлекло преимущественно выявление отличий поэзии студенческой от поэзии университетской.

Вынесенная в заголовок фестиваля поэзия университетская предполагает широкий контекст литературной жизни в стенах вуза, на базе которой формируются студенческие творческие союзы, из которых позже вырастают настоящие мастера поэтического слога. Но в идеале литературная жизнь в вузе – это не закономерный итог деятельности поэтов-любителей из числа студентов, а наоборот – та самая почва, в которой эти самородки и формируются: активное культивирование стихосложения в профессорско-преподавательской среде силами и непосредственными руками ее обитателей, приглашенный специалист на должности официального поэта того или иного университета (а может и обратное – приглашенный поэт на официальной должности консультанта по всему), санкционированный и налаженный «сверху» выпуск периодики с литературным уклоном, издание университетских сборников, обладающих определенным весом в литературном сообществе страны в целом – в общем, все то, что присутствует в зарубежной практике, однако, в силу определенных историко-культурных причин, пока что совершенно отсутствует у нас в стране. За исключением

отдельных примеров вроде литературной студии «Луч» при МГУ под председательством профессора этого вуза писателя и историка Игоря Леонидовича Волгина. Хотя и здесь единичная студия еще не является показателем налаженной литературной жизни в МГУ (на минуточку, *главном* и, безусловно, крупнейшем вузе нашей страны) вообще.

Нет, разумеется, нельзя умолчать о достаточно редких случаях заинтересованности вузовского руководства в налаживании литературного процесса во вверенном ему учреждении, подобно тому, как это произошло в Московском государственном университете печати, где создание творческого объединения студентов, по свидетельству Георгия Векшина, было проиницировано со стороны ректората. Даже проведенный фестиваль навряд ли оказался бы осуществим в том виде, в котором он имел место, без поддержки Управления по работе со студентами РГГУ. Однако в основной своей массе катализаторами подобной деятельности, и от этого никуда не уйти, становятся молодые пассионарии из той же студенческой среды, пока еще, хотя бы в силу возраста, открытые как для творческих, так и для организационных экспериментов, и совершенно бесстрашные в вопросе взятия на себя хлопот и определенной ответственности по налаживанию литературной деятельности в стенах родного вуза, а порой и шире – на межвузовском пространстве.

Именно поэтому ставший красной нитью дискуссии спор о понятиях привел к достижению консенсуса рядом участников, которые сошлись на том, что было бы уместнее говорить о поэзии не университетской, но студенческой, стихийно самоорганизующейся на уровне «низов», подобно Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в России 17-го года, уже пораженной февральской революцией. Именно такие студенческие союзы, зачастую без поддержки ректоратов и официального руководства собственных вузов (продолжать дивную аналогию с российской смутой начала прошлого столетия?), и направили своих представителей на прошедший фестиваль, именно они и пытаются на текущем уровне мало-мальски сформировать литературную жизнь университетов. И возможно, простите уж профессионального историка, если доводить до конца проводимую параллель и следовать неумолимой логике исторического процесса, проявившейся в полной мере все в том же кровавом 1917-ом, этот путь куда более искренен и честен, чем попытки властных структур

университетов организовать литературный процесс «сверху», «как надо». Поскольку в последнем случае за столь тешащей тщеславие «сильных вуза сего» показательной стороной литературной жизни рано или поздно неизбежно появятся установленные ими правила игры. И то, что юные творческие натуры, обладающие сильным пассионарным началом, согласятся им следовать безоглядно, представляется крайне сомнительным. Они и так, без всяких правил и дозволений, полны энтузиазма, а их талант уверенно находит самовыражение в текстах, которыми молодые авторы готовы щедро делиться друг с другом и благодарными слушателями.

Единственное, чего им зачастую не хватает – опыта. Выходом из этой проблемы, согласно рекомендациям ряда участников круглого стола, может стать уделение повышенного внимания молодыми сочинителями не столько собственному творчеству, работа над повышением качества которого бесконечна в силу обязательного присутствия у любого мыслящего, а тем более – пишущего индивида природного перфекционизма, сколько чтению уже признанных авторов, а в идеале и переводу иноязычных поэтов. Объемы читательской работы должны существенно превышать работу писательскую, а об этом студенты-литераторы частенько забывают, сосредотачивая все свои усилия на издании очередного университетского сборника (где, конечно, имеется такая возможность) и доведении до ума собственных текстов.

Причем оборотной стороной такого творческого процесса, на что указал один из участников дискуссии, является приток в околоуниверситетскую печать вала текстов зачастую сомнительного поэтического достоинства, который по своей природе неиссякаем ввиду ротации молодых авторов в вузах. Хотя бы как студентов. Вся поэзия вышеупомянутых пассионариев – явление во многом поколенческое, т.е. свойственное людям, вступившим в определенную фазу духовного роста. То, что интересно двадцатилетним, уже перестанет волновать тех же юношей и девушек несколько лет спустя, когда студенческие годы останутся позади, и на первое место выйдут такие заботы, как устройство на престижную и оплачиваемую работу, карьерный рост, создание семьи и т.д. Тогда они и забросят поэтические опусы, зато в их уже бывшие институты поступят новые мальчики и девочки с горящим огнем в глазах, готовые грызть фундамент поэзии. Однако мне кажется, что при всей верности подобной оценки ситуации, не очень правильно подсчитывать

вырубленные деревья на бумагу для издания вузовских сборников. Ведь если в поэтическом потоке найдется хотя бы одна-единственная жемчужина истинного дарования, способная в дальнейшем вспыхнуть ярчайшей сверхновой на литературном небосклоне современной России, значит, весь этот вал расплотившихся в последние годы подобно грибам после дождя изданий полусамиздатовского толка, пример которого вы держите в руках – не напрасен. И имеет полное право на существование.

Илья Кузьмичев

ПОСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ

Прошлый сборник «День открытых окон» был составлен исключительно из стихов и прозы студентов и аспирантов РГГУ. Из нынешнего, второго, исчезла проза, зато существенно расширилась география участников – от вузовской до собственно городской. Иными словами, перед нами уже совсем не результат деятельности литобъединения, пусть бы и сколь угодно прекрасный, но попытка антологии самой молодой поэзии – во взгляде через студенческую ипостась молодости. При этом на сей раз составители, кажется, не делали поблажек, были вполне строги при отборе, отбросили лжепатриотизм и местечковость.

Сборник составлен по результатам Первого московского фестиваля студенческой поэзии, происходившего на базе РГГУ и клуба «Проект ОГИ», однако отнюдь не все выступавшие попали под эту обложку. Это может показаться обидным, однако есть своя специфика в устном исполнении и в печатной публикации. Речь не идет даже о саунд-, голосовой или звучащей поэзии, слэме (хотя последний был представлен некоторыми выступавшими): сама атмосфера, извините за штамп, «поэтического праздника» создает особое пространство, особый контекст восприятия.

Бумага требует не то что более требовательного, но просто *иного* наполнения, заставляет принимать решение, которое «не вырубил топором» (что-то понесло меня сегодня на трюизмы, уж не взыщите). Можно возразить: аудио- и видеоносители, сетевые технологии давно уже, вроде бы, стерли грань между письменным и устным (и даже перформативным). Это и так, и не так: собственно произведением в случае аудиальности, визуальности является их исполнение, а запись – лишь фиксация, отчет, след. Есть, конечно, поэтические клипы, активно развивающиеся в последнее время, но это разговор особый, уводящий нас от словесности к синтезу искусств.

Составители бестрепетно отказываются от демократического, подчас спасающего, однако слишком нейтрального алфавитного принципа расположения авторов. В этом, судя по всему, есть определенная стратегическая мысль: не желание предложить сборник просто-хороших-стихов, но построение метатекста и – быть может, неуловимого, но дразнящего, призывающего к расшифровке, интерпретации (конечно же, субъективной), – метасюжета.

Нельзя сказать, что все представленные в сборнике авторы в равной степени состоялись как поэты. Безусловно, здесь прослеживается своего рода «слоение репутаций»; поэты, известные в литературной среде (в т.ч. финалисты и лауреаты литературных премий) соседствуют с менее (пока?) заметными, но уже так или иначе засветившимися в литпроцессе (пусть и на его обочине – опять-таки, надеюсь, пока). Ну и, конечно же – дебютанты, для кого это первая (бумажная – чур, какие-нибудь стихи.ру не считаются!) публикация. При этом замечательно то, что географическая прописка молодого поэта отнюдь не делает его «столичным» или «провинциальным», – в сборнике довольно сильная выборка авторов, живущих вне Москвы и Питера, а среди москвичей есть совсем новички.

Если говорить об особой, тонкой антиэгалитарности этого сборника, то важно отметить непропорциональные порой объемы авторских подборок. Перед нами заявка на выстраивание картины молодого поэтического процесса, которая – как, разумеется, и вся литература в целом – антидемократична. В сборнике не обязательно *все лучшие* тексты данного сочинителя – однако неудачных – в рамках предложенной индивидуальной поэтики – составители избегают вопреки советской по сути своей привычке ценить в молодом поэте его молодость, а не поэзию, что дезориентирует. Не хочется использовать сомнительные выражения типа «гамбургского счета» (тем более, на мой вкус, в этой псевдотерминологической метафоре таится некая малоуследимая, но все же ощущаемая ложь), но, кажется, даже тот, кто собирался, взяв книжку, пролистать ее «по знакомым именам», поймает себя на чтении ее подряд.

(Я специально не называю никаких имен – сборник довольно объемный, всех не перечислишь, а о каждом есть что сказать).

Это требует, правда, известного великодушия – не в современном, немного уничижительном смысле, но в предыдущем, подразумевающем всеобъемлемость оценки, со-чувствования и понимания. Упорное желание затащить историю литературы в прошлое, особая установка на исключительную классичность (как и обратная, не менее ограниченная, попытка ограничить художественность исключительно авангардным – на деле часто эпигонским – жестом) не будут лучшим подспорьем для чтения книжки подряд. Но, впрочем, это тоже не беда: сторонники разных эстетических концепций найдут здесь

что-либо ценное и важное (и будут говорить потом: вот, этот-то и это-то хороши, а остальные так себе). Однако повторяюсь: я призываю смотреть на мир молодой поэзии незащоренными глазами, отправиться, так сказать, в свободный поиск.

Данила Давыдов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александра Бабушкина (Москва). Родилась в 1986 г. в Самаре. С 1992 г. живет в Москве. Студентка 5 курса Института филологии и истории РГГУ. Организатор (совместно с Анной Орлицкой) творческого объединения «ЛитПроект» в РГГУ. Участница Фестивалей верлибра (2007, 2008). Публиковалась в альманахе «День открытых окон». Одна из организаторов Первого московского фестиваля университетской поэзии (2008).

Степан Бранд (Москва). Родился в 1989 г. в Москве. Студент 3 курса переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета. Участник семинаров Алексея Кубрика, Леонида Костюкова.

Антон Буланков (Москва). Родился в 1987 г. Учился в Институте лингвистики РГГУ. Публиковался в альманахе «День открытых окон».

Анастасия Векшина (Москва – Тарту). Родилась в 1985 г. в Москве. Окончила историко-филологический факультет РГГУ. С 2007 г. – докторант Тартуского университета. Публиковалась в альманахах и сборниках «Так начинают жить стихом», «Братская колыбель», «Авторник», «Илья», «День открытых окон» и др. Финалист литературной премии «Илья». Шорт-лист премии «Дебют» (2008).

Александра Володина (Москва). Родилась в 1988 г. Студентка Института культурологии ГУГН. Участница поэтических фестивалей в Нижнем Новгороде, Саратове и Чебоксарах. Лонг-лист премии «Дебют» (2008). Участница виртуальной студии Новой литературной карты России. Публикации на сайте polutona.ru.

Григорий Гелюта (Нижний Новгород – Ярославль). Родился в 1986 г. Выпускник экономического факультета Нижегородского государственного университета. Участник поэтических фестивалей в Нижнем Новгороде, Москве, Екатеринбурге, Вологде. Публикации в журналах «Воздух», «Новый берег», «Волга». Шорт-лист премии «ЛитератураРРентген» (2007), лонг-лист премии «Дебют» (2008).

Ольга Дымникова (Самара). Родилась в 1984 г. Выпускница филологического факультета Самарского государственного университета (кафедра русской и зарубежной литературы). Координатор клуба авторской песни и поэзии «Апрель», одна из организаторов фестиваля поэзии и песни «Снегири»; член творческой лаборатории «Орфей». Участвовала в поэтических фестивалях в Самаре, Саранске и Москве. Публиковалась в журналах «Берега», «МОРКОВЬ», сборнике «Целый мир на моей странице», альманахе «Павлин». Лонг-лист премии «ЛитератураРРентген» (2008).

Олег Задорожный (Санкт-Петербург). Родился в 1985 г. Окончил Смольный институт свободных искусств и наук. Сейчас учится в магистратуре филологического факультета СПбГУ. Печатался в сборнике «Петербургская поэтическая формация», в Интернет-журнале «Text Only».

Елизавета Калинина (Нижний Новгород). Родилась в 1989 г. в городе Дзержинске Нижегородской области. Студентка 2 курса переводческого факультета НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Финалист фестиваля «Молодой литератор» (2008).

Валентина Канухина (Москва). Родилась в 1988 г. Студентка 3 курса историко-филологического факультета РГГУ. Участница ЛитПроекта РГГУ. Участница поэтических фестивалей в Переделкино, Рязани и Москве. Участница литобъединения при журнале «Юность» в 2002-2003 гг. Публиковалась в журналах «Юность», «Литературная учеба» и «Кольцо А», в альманахе «День открытых окон».

Константин Комаров (Екатеринбург). Родился в 1988 г. в Свердловске. Студент филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Уральский Следопыт», «Добрый малый», альманахе «Воскресение», самиздатовских сборниках. Автор книги стихов «На ощупь иду» (Екатеринбург, 2008).

Алексей Костылев (Смоленск). Родился в 1985 г. Выпускник филологического факультета СмолГУ, аспирант кафедры истории и теории литературы. Участник литературной студии «Персона». Публиковался в альманахе «Персона». Член редакционного совета поэтического интернет-флэш-журнала «Smola».

Илья Кузьмичев (Москва). Родился в 1982 г. в Москве. Окончил факультет истории, политологии и права РГГУ в 2003 г. Один из организаторов Первого московского фестиваля университетской поэзии (2008).

Анастасия Кыштымова (Москва). Родилась в 1987 г. Студентка 1 курса Института восточных культур и античности РГГУ.

Евгения Лаптева (Калининград). Родилась в 1987 г. Студентка факультета филологии и журналистики РГУ им. Канта, специальность «журналистика», и института «ПРО АРТЕ» в Санкт-Петербурге, специальность «арт-критика». Участница международных фестивалей поэзии «Slowwwwo» (2006, 2007), фестиваля альтернативной поэзии «Сквозняки» (2007, 2008), русско-литовского литературного пленера «Балтославия» (2007). Публикации: антология современной калининградской поэзии «Дети бездомных ночей» (2006), polutona.ru. В журнале «Параллели» стихи переведены на литовский язык (2007).

Art-books: «Сухие стихи», «Сухие стихи. Часть 2», «Обед молчания» (2008).

Екатерина Малова (Москва). Родилась в 1988 г. Студентка 5 курса Центра социальной антропологии РГГУ. Публиковалась в сборнике «День открытых окон».

Андрей Моль (Георгий Манаев) (Москва). Родился в 1984 г. в Москве, окончил Историко-архивный институт РГГУ, аспирант ИРИ РАН. Автор книги поэтических переводов «Трансляции» (2004). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008).

Анна Новицкая (Калининград). Родилась в 1986 г. Выпускница факультета филологии и журналистики Российского государственного университета имени И. Канта. Участница поэтических фестивалей Калининграда и Москвы. Лонг-лист премии «ЛитератураРентген» (2008).

Лев Оборин (Москва). Родился в 1987 г. Студент 5 курса Института филологии и истории РГГУ. Основатель и участник поэтического объединения «Теплотрасса» (с 2006 г.). Участник программы «Открытый мир» (2007). Публикации стихотворений, статей, переводов: «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Юность», «Живая старина»; в сборниках студенческих и университетских работ РГГУ. Переводы стихотворений американских поэтов опубликованы в двуязычной антологии «Современная американская поэзия» (М., 2007). Подборки стихотворений опубликованы в сборниках «Знаки отличия», «День открытых окон». Шорт-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2004, 2008), лонг-лист в номинации «поэзия» (2007). Шорт-лист премии «Содружество дебютов» (2008).

Анна Орлицкая (Москва). Родилась в 1988 г. Студентка 4 курса Института лингвистики РГГУ. Организатор (совместно с Александрой Бабушкиной) творческого объединения «ЛитПроект» в РГГУ. Участница поэтических фестивалей в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Калининграде, Твери, Чебоксарах. Публиковалась в альманахах «Абзац» и «День открытых окон», в различных университетских изданиях, в Интернете. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008). Одна из организаторов Первого московского фестиваля университетской поэзии (2008).

Семен Пегов (Смоленск). Родился в 1985 г. Выпускник филологического факультета СмолГУ. Участник литературной студии «Персона». Публикации в альманахах «Современники», «Персона», «Под часами». Член редакционного совета поэтического интернет-флэш-журнала «Smola».

Юлия Плахотя (Самара). Родилась в 1984 г. Выпускница факультета иностранных языков Самарского государственного педагогического

университета. Участница поэтических фестивалей в Самаре и Москве. Публиковалась в альманахах «Самарский верлибр» и «Берега». Лонг-лист премии «Дебют» (2008).

Татьяна Попова (Москва). Родилась в 1986 г. в Азове. Окончила филологический факультет Московского университета Российской академии образования.

Алиса Розанова (Казань). Родилась в Казани в 1985 г. Окончила Казанский государственный университет по специальности «социология». Член творческого объединения «ЦЫЦ». Публикации в журналах «Октябрь», «Волга-XXI век», поэтических сборниках. Участие в поэтических фестивалях «Стрелка», «М-8», «Словwwwо» и пр. Лауреат проекта «Факультет» (2007) в номинации «поэзия». Шорт-лист премии В. Аксенова «Звездный билет» (2008), лонг-лист премии «Дебют» (2008).

Майя Руцкая (Москва). Родилась в 1984 г. Аспирантка Института филологии и истории РГГУ. Публиковалась в сборнике «День открытых окон».

Мария Самуйлова (Санкт-Петербург). Родилась в 1987 г. Студентка 4 курса факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Участница семинара С.Г. Стратановского. Публикации в журнале «Творчество Юных», альманахе «Параллели Судеб».

Иван Сапков (Москва). Родился в 1985 г. Аспирант физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Участник кружка «Вольные настроения» Ю.Д. Нечипоренко. Несколько стихотворений вошло во второй факультетский сборник.

Света Сдвиг (Самара – Москва). Родилась в Самаре в 1985 г. Закончила философский факультет Самарского муниципального университета Наяновой, в аспирантуру которого в 2006 г. поступила по специальности «философия». Магистрант программы «Восточноевропейские исследования» в РГГУ, в связи с чем место жительства – Москва.

Ольга Собгайда (Кузовлева) (Астрахань). Родилась в 1986 г. Выпускница филологического факультета Астраханского государственного университета. Публиковалась в литературных газетах «Терновый куст», «Астраханская литература», «Хлебниковская веранда»; в журналах «Зеленый луч», «Введенская сторона»; в литературных сборниках «Флейта», «Неповторимая жизнь», «Колос(с) слова», «Астраханский вернисаж». Автор поэтического сборника «Синий слон» (2005).

Александра Соболева (Москва). Выпускница филологического факультета Московского государственного педагогического университета. Участник литературной мастерской «Кипарисовый ларец». Лауреат Пермского областного литературного конкурса «Лишь слову

жизнь дана». Публиковалась в журнале «Крещатик».

Евгения Суслова (Нижний Новгород). Родилась в 1986 г. в Нижнем Новгороде. Заканчивает магистратуру филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. Участница литературных фестивалей в Нижнем Новгороде («Стрелка»), Саратове («Дебют – Саратов»), Вологде («М-8»), Санкт-Петербурге («Майский фестиваль новых поэтов»), Калининграде («Словwwwо»). Публиковалась в электронных журналах TextOnly, РЕЦ, в литературном альманахе «Слова», «Новый берег», «Волга-XXI век». Лонг-лист премии «Дебют» (2007), шорт-лист премии «ЛитератураРентген» (2007, 2008).

Анастасия Трифонова (Смоленск). Родилась в 1987 г. в Смоленске. Студентка 4 курса отделения русского языка и литературы Смоленского государственного университета, участница литсудии «Персона», корреспондент ежемесячного журнала «Смоленск».

Ольга Туркина (Санкт-Петербург). Родилась в 1988 г. Выпускница факультета графического дизайна СПбХУ им. Н.К. Рериха. Участница семинаров Г.С. Гампер, С.Г. Стратановского. Публикации в журнале «Творчество юных». Участница фестиваля «Гласз», чтений в арт-кафе.

Ольга Яковлева (Калининград). Родилась в 1987 году. Студентка 4 курса филологического факультета Российского государственного университета им. И. Канта. Участница поэтических фестивалей в Калининграде, Москве и Петербурге. Публиковалась в журналах «Балтика», «Литературные незнакомцы», а также в сборниках «Лалангамена», «Дети бездомных ночей», «Молодые голоса», «АЗЪ: пространство невозможных состояний». Одна из организаторов поэтического фестиваля «Сквозняки: калининградская поэзия вне форматов» (2006, 2008).

День открытых окон 2

Стихи участников I Московского
фестиваля университетской поэзии